

Галина Вервейко
В родных Калачиках

Воспоминания о советском детстве

Галина Вервейко
В родных Калачиках.
Воспоминания
о советском детстве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507552

ISBN 9785449066923

Аннотация

В книге – документальный рассказ о жизни сибиряков в 60-70-е годы XX века. Мемуары о детстве в небольшом городке Омской области, который был отражением советской эпохи в СССР. Несмотря на заполитизированность той жизни, было немало человеческого и доброго в отношениях людей. Жизнь кипела не только в больших городах, но и в далёкой провинции, а детство было счастливым и радостным, полным общения и сопричастности к делам великой страны.

Содержание

Об авторе и книге «В родных Калачиках»	8
КАЛАЧИНСКОЕ ДЕТСТВО	10
Глава 1. Родня	12
Западная Сибирь. Станция «Калачинская»	12
Родственники мамы	38
Родные отца	65
Глава 2. Школьные годы родителей	101
Семья и школа, армия и работа	120
В гостях у одноклассников родителей	124
Как учились в 40-50-е годы в калачинской средней школе №1	125
Глава 3. Соседи	128
«Под крышей дома моего»	128
«А у нас во дворе...»	142
Глава 4.Рождение брата	150
Разделение семьи	152
У дедушки и бабушки в Калачинске	153
В Сергеевке у родителей	155
Глава 5. Детство. Вторая половина 60-х	159
«Дети кино»	159
Стихи, песни, гадалки и пожелания	170
Люди с золотым сердцем	177
Встречи с артистами	192

И сами – артисты!	196
Глава 6. Начало семидесятых	204
Жизнь большого семейства	205
Поездка в Красноярский край	211
Проездом в Новосибирске	219
«Фотоателье» во дворе	221
Магия катка	222
Мы едем к морю!	225
Прощай, калачинское детство!	235
ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ	238
Глава 1. Начальная школа	238
Первый раз в первый класс	240
Октябрёнок в пионерском лагере	243
Октябрюта – будущие пионеры	245
«Как повяжешь галстук – береги его»	248
До свидания, первая учительница!	259
Рождение школьной дружбы	266
Глава 2. Пионерский возраст	270
Пятый «А»: вот и стали мы на год взрослей...	270
Артековское счастье	284
Конец ознакомительного фрагмента.	290

В родных Калачиках Воспоминания о советском детстве

Галина Вервейко

Корректор Татьяна Егоровна Каменская

© Галина Вервейко, 2023

ISBN 978-5-4490-6692-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фото автора. 1975

Наталья Владимировна Фефелова (Зеленёва), Заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующая Центром красноярской книги Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края

Об авторе и книге «В родных Калачиках»

Как же здорово, что в кругу моих современников оказалась Галя Вервейко, всесторонне одаренный, талантливый, наблюдательный, красивый человек. О таких говорят «душа общества». По профессии она балетмейстер, а в душе писатель. Её мемуары «В родных Калачиках» всколыхнули память, вызвали светлые воспоминания о тех уже далеких, но таких прекрасных моментах детства и юности. Её воспоминания – ода нашему небольшому родному и лучшему на свете городу Калачинску, нашему поколению, нашим родителям и нашим калачинцам.

Передо мной живая история города в 60—70-е годы 20 века. И хотя мы с Галиной учились в разных школах, но нас объединял наш любимый Дом пионеров, хореографический ансамбль «Юность» и его руководитель – легендарная личность Раиса Тимофеевна Ульянова.

Я считаю, что наше поколение – счастливейшие люди, мы родились в прекрасное время, у нас были идеалы, чистые помыслы, любимые герои, одинаковые стартовые возможности, нас окружали любящие родители, настоящие педагоги, друзья, одним словом – нас окружало добро! Именно это на всю жизнь дало мощную точку опоры, которая позволяет

нам жить достойно.

Автор мемуаров умело описала многие моменты быта и жизни калачинцев. Ярко вспомнилось событие, которое всколыхнуло город, это победа наших юных хоккеистов во всесоюзном турнире. И, хотя мальчишки были учащимися школы №1, их на железнодорожном вокзале встречал весь город, как героев. И вот это чувство единения, сопричастности автор воскресила в моей памяти.

Галина Вервейко настоящий исследователь, обладатель яркого таланта повествования, так как я знаю многих людей, о ком рассказывает автор, могу сказать, что очень метко и правдиво подмечены черты характера людей, в памяти всплывают знакомые, родные лица.

Галина автор нескольких произведений. С большим удовольствием прочитала ее документальную повесть о Матильде Кшесинской, воспоминания «Питер в судьбе сибирячки». Восхищена ее стихотворениями, только талантливый человек в одной строчке может выразить гамму чувств: «ОМСК – четыре буквы родные».

2019 г.

Посвящается памяти моего дедушки-журналиста Вервейко Антона Евдокимовича

КАЛАЧИНСКОЕ ДЕТСТВО

Галя Вервейко с мамой. Калачинск, 1960

Глава 1. Родня

Западная Сибирь. Станция «Калачинская»

Архитектором здания жд вокзала был мой дядя – Безродных Виктор Михайлович

Поезд мерно отстукивал километры долгого железнодоро-

рожного пути. Я сидела на боковом сиденье за столиком и смотрела в окно. Ехала по родным сибирским просторам *из Новосибирска в Омск*. За окном мелькали равнинные поля и колки леса. Было лето, и всё зеленело вдаль, а над лесостепным пейзажем стояло голубое-голубое небо, и ярко светило солнце. Мы уже проехали станцию «Татарская», и следующей остановкой должна быть «Калачинская». Моя родина! Всегда, проезжая мимо, я смотрю на родной перрон станции и вспоминаю своё детство, родню, учителей и друзей... Остановка – всего 2 минуты. Я мысленно здороваюсь со своим родным Калачинском и машу ему рукой, когда поезд вновь движется. И снова жизнь меня увозит в другие края, но память – это «компьютерное» чудо нашего мозга, всегда возвращает меня в эти места, к родным и дорогим мне людям – калачинцам. И я заново переживаю свою прошлую жизнь: детство и юность.

Я вспоминаю себя четырёхлетней девочкой Галей со светловолосой чёлочкой на лице, в тёмно-зелёной плюшевой шубке и такой же шапочке-чепчике. Идёт *1960 год*. Мы живём с мамой на *улице Омской* в доме барачного типа, в одной комнате. И получаем письма от отца из армии – далёкого Хабаровска. Он присылает и мне «индивидуальные» чёрно-белые открытки, поздравляя с праздниками. На одной из них – фото огромной ёлки на площади города с красивым, добротным сделанным из снега, Дедом Морозом – очень большим,

даже огромным. И мне хочется туда, к моему папе, к этой большой ёлке.

Новогодняя открытка из Хабаровска мне от папы. 1959

Открытка из армии

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

С праздником,
дорогая дочурка!
Будь умницей,
рости весёлой!
твоя Баба.

Вера

Куда Хабаровск

Кому Вербейко Г.А.

Хабаровский Крайпромсовет, артель «Дальневосточник»

г. Хабаровск, пл. Ленина

ВЛ 04251.

Г. 20 000.

Цена 1 руб.

2457

Утром мама ведёт меня в детский сад. Я, делая подскоки, держусь за её руку и пою песенку, разученную на музыкальном занятии: «Сладкая ты моя, ягодка малинка!» Детский сад находится на нашей же улице. Я там очень любила нашу воспитательницу – Веру Геннадьевну. Она была молодой, красивой, весёлой. Вместе с нами, ребятами, катались с горки на дощечке или, стоя на ногах, а потом прокладывала нам лыжню, когда мы учились кататься на лыжах, обходя вокруг территорию нашего детсада по свежевypавшему рыхлому снегу.

Самым нелюбимым для меня был послеобеденный сон. Мне никогда не спалось, я разговаривала с такими же детьми, страдающими дневной бессонницей. За это нас на-

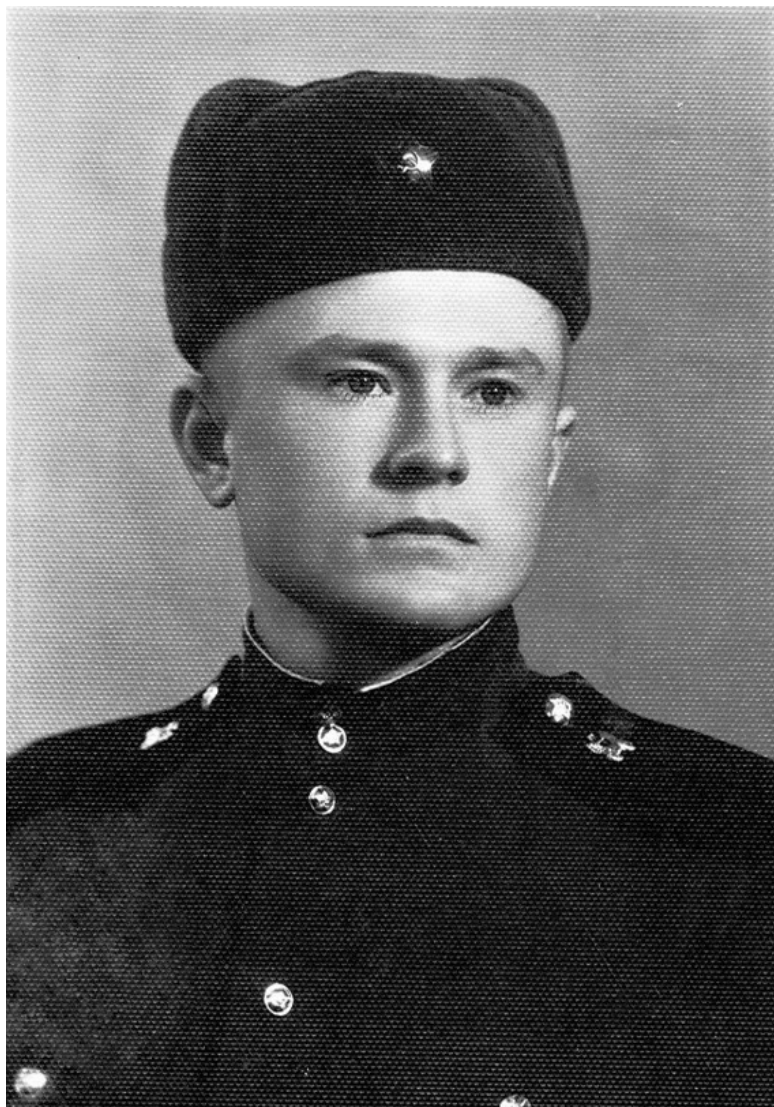
казывали: ставили в угол. И мы старались притвориться спящими, когда в спальню заходила воспитательница, чтобы проверить обстановку.

Вервейко Гале 2,5 года. Калачинск, 1958

Портрет мамы (был снят в моём детском саду). Калачинск, 1961

Отец – солдат Советской армии. Хабаровск, 1958

Мне 5 лет. Портрет был снят в детском саду. 1961

Мои родители в 1958 году перед службой в армии отца. Калачинск.

Вообще-то я была проказницей – не очень послушным ребёнком. Однажды летом мы были на веранде, построенной отдельно от здания детсада, и снова не спали. Меня «наказали» в дневной сон очень даже приятным для меня занятием: я сидела в комнате с воспитателями, для того, чтобы не мешала другим детям спать, слушала очень интересные для меня взрослые разговоры между ними, а по радио – переда-

чу для детей. Какое это было счастье *в тихий час!* Воспитатели разглядывали только что принесённые фотографом фотографии нашей группы и большие портреты детей и родителей. Я увидела и свой портрет с белым бантом на голове со стрижкой и шейкой «в складочку» с очень серьёзным выражением лица. Потом все рассматривали красивый портрет моей молодой мамы со светлыми волосами в химической завивке, которая ей очень шла, и воспитатели говорили: «А это – сама Вервейко».

Звали маму Воля Яковлевна (в девичестве – Пономаренко). Родители её были комсомольцами 30-х годов, и когда у них родилась в Исиль-Куле (так отдельно называлась тогда железнодорожная станция) дочурка в *1936 году*, то решили её назвать модно – по-революционному – Воля. Так я почему-то думала. Но эта версия оказалась неправильной. Так её назвал двоюродный брат – племянник моей бабушки – Витя. У него был друг Волька (так зовут и героя сказки о старике Хоттабыче), и вот в честь него он решил назвать свою родившуюся двоюродную сестрёнку. Но поскольку такое имя практически нигде не встречалось, то люди её всю жизнь называли по-разному: кто-то – Валя, а чаще – Оля. Это имя ей и самой больше нравилось. Я, конечно, её очень-очень любила и считала самой красивой и молодой мамой на свете: она была старше меня всего лишь на 20 лет. И я всегда гордилась, когда люди удивлялись, что у неё уже такая большая дочь.

В тот день после обеда мы гуляли на улице во дворе детского сада. Играли в песочнице. И вдруг я увидела, что к калитке забора подошла мама. Боясь, что воспитатели будут жаловаться ей, что я снова не спала в тихий час, я решила спрятаться. Увидела железную бочку и тихонечко села за неё, выглядывая сбоку. Меня стали искать по территории садика, а, найдя, смеяться над моей «трусостью».

Иногда мама подолгу задерживалась на работе: наверное, работала во вторую смену. Какое-то время она работала фрезеровщицей на мехзаводе после окончания технического училища. Меня некому было забрать из садика. И я оставалась в нём в ночной группе. Было интересно, необычно и в то же время грустно. Я скучала по маме, и очень хотелось плакать. Хорошо, если с нами оставались добрые и ласковые воспитатель и нянечка. Они нас успокаивали, брали на руки, рассказывали перед сном хорошие сказки. Но иногда нас (если в группе оставалось мало детей) отводили в какой-то другой детский сад, который находился в центре города, он был «дежурный». Это было для меня «страшной пыткой». Так как там была зловещая для меня *воспитка* – Валентина Антоновна, в очках. Она не любила детей, и мы начинали капризничать, плакать от страха. Она больно сжимала своими пальцами руку выше локтя и тащила нас за собой, укладывая таким образом, в постель...

19322. 624

Прасковья Андреевна Рублевская в молодости

Моя любимая бабушка Пана в 1960-е годы. Калачинск

В выходные мы с мамой посещали наших родных. Мои де-

душка и бабушки жили далеко от нас: баба Пана Рублевская, (у них с дедушкой, отцом мамы, были разные фамилии, поэтому у мамы в детстве была другая фамилия – отца – Пономаренко), неподалёку от моста через Омь – на *улице Пионерская*, а баба Маруся и дед Антон Вервейко – на *Вокзальной*, у элеватора.

Баба Пана жила в одноэтажном доме из нескольких квартир – в одной комнате с отдельным входом с улицы. Здесь они когда-то жили вдвоём с мамой. У неё всегда были идеальные чистота и порядок. На кроватях, из-под покрывала видны были накрахмаленные нарядные, связанные крючком, кружева. На столе, комоде и кухонном шкафу – связанные бабушкой кружевные салфетки. В углу, на тумбочке стояло радио военной поры с репродуктором, по которому мы любили слушать с ней разные передачи. К нашему приходу бабуля обычно пекла блинчики, которые я очень любила. Они у неё пеклись на маленькой круглой сковородке и получались хрустящими и очень вкусными. Она смазывала блины растопленным сливочным маслом, или мы сами макали в него блинчики. Ещё баба выпекала в печке маленькие булочки и калачи.

Бабуля работала *секретарём-машинисткой в Калачинском райкоме партии*. Её полное имя – Рублевская Прасковья Андреевна. (Она была *1908 года рождения*). Иногда бабушка дежурила по выходным и брала туда меня с собой. Мне нравилось это не очень большое, но солидное двух-

этажное здание с маленькими, словно игрушечными, балкончиками. Я завораживающе смотрела вокруг, когда ходила по казённым кабинетам, в которых пахло кожей: ею были обтянуты чёрные двери и мебель. Кругом лежали персидские ковровые дорожки. Мне это всё казалось таким солидным и торжественным! Бабушка печатала на машинке какие-то важные бумаги и иногда показывала мне буквы на круглых чёрных клавишах, и я тоже что-то пыталась напечатать. Потом я выходила из кабинета на балкончик, любясь деревьями и цветами, посаженными во дворе райкома. А больше всего в этом здании мне нравился зал заседаний с небольшой сценой. На Новый год для детей и внуков райкомовцев здесь устраивались ёлки с Дедом Морозом и Снегурочкой, играми и подарками, традиционным хороводом вокруг наряженной ёлки с песней «В лесу родилась ёлочка».

Здание райкома КПСС. Калачинск, 1960-е

Коллектив Калачинского райкома КПСС. (П.А. Рублевская стоит вторая справа). 1960-е

Иногда и мама работала в выходные, когда нужно было к концу месяца выполнить план. Я помню, как она брала меня с собой, уже позднее, в *кинопрокат* по субботам (вообще-то субботы тогда были коротким рабочим днём). А, может, и в воскресенья? Она работала там фильмопроверщицей. Я смотрела, как мама, сидя за столом, проверяла широкие киноплёнки, которые перекручивались с одной бобины на другую (позже появились катушечные магнитофоны с похожим устройством). Всё делалось вручную. Когда рука нащупывала на плёнке какой-то брак, то бобины останавли-

вались нажатием ноги на педаль. Испорченные кадры вырезались, и плёнка склеивалась клеем с приятным пахучим запахом. Конечно, смотреть на этот процесс мне было очень интересно.

В один прекрасный день вернулся из армии мой молодой отец – Вервейко Анатолий Антонович (ему тогда было 24 года). И именно в этот день со мной случилось несчастье. Было это, кажется, в субботу. Детей в группе было мало, а некоторых уже родители разобрали по домам, и воспитатели почти не следили за нами, «расслабившись». Мы бежали из спальни в игровую комнату и хлопали дверью. И однажды мой средний палец на правой руке был «прихлопнут». Я ощутила страшную боль и закричала! И в этот момент появился мой стройный, подтянутый молодой отец в красивой военной форме! Он подбежал ко мне, взял на руки, и тут же понёс меня, плачущую, в больницу. Кончик пальца был снесён, и я ещё долго чувствовала себя *инвалидом*: меня кормили из ложечки и все жалели. Медсёстры обвязывали пальчик зелёным бинтиком на перевязке в больнице. Повышенное внимание баловало меня.

И всё-таки я никак не могла поверить, что мой папа наконец-то вернулся. Долго привыкала к нему и сомневалась, что это – на самом деле он, по привычке, продолжая его ждать.

Девчонкой я была боевой, любила играть с мальчишками во дворе. Они меня все любили и звали играть с собой *в войнушку*. В азарте я частенько начинала с ними драться. И ма-

ленькие вояки бежали жаловаться своим родителям, которые вскоре приходили к моим – разбираться. После этого мне здорово попадало. Отцу стала уже надоедать его непослушная маленькая разбойница, и однажды он предпринял строгие меры: снял с себя солдатский ремень и ударил меня по попе, поставив в угол. Было очень больно и обидно, и я, заливаясь слезами, крикнула ему:

– Уходи от нас! Ты – не наш папа! Наш папа – в армии. Он скоро придёт и набьёт тебя.

Эти слова очень сильно подействовали на моего молодого отца – Вервейко Анатолия, ровесника мамы. И он больше никогда, как говорится, не трогал меня пальцем.

Рабочий посёлок, в котором мы жили, назывался – Калачинск, то есть, он уже тогда имел статус районного города – с 1952 года. Но моя баба Пана всегда ласково называла его «Калачики». Она рассказывала, что так называлась деревня у озера Калач, с которой и начинался нынешний Калачинск. Когда-то железной дороги здесь не было, а когда её построили, незадолго до революции, то появилась станция «Калачинская», с которой постепенно деревня и соединилась.

Старое здание железнодорожного вокзала.

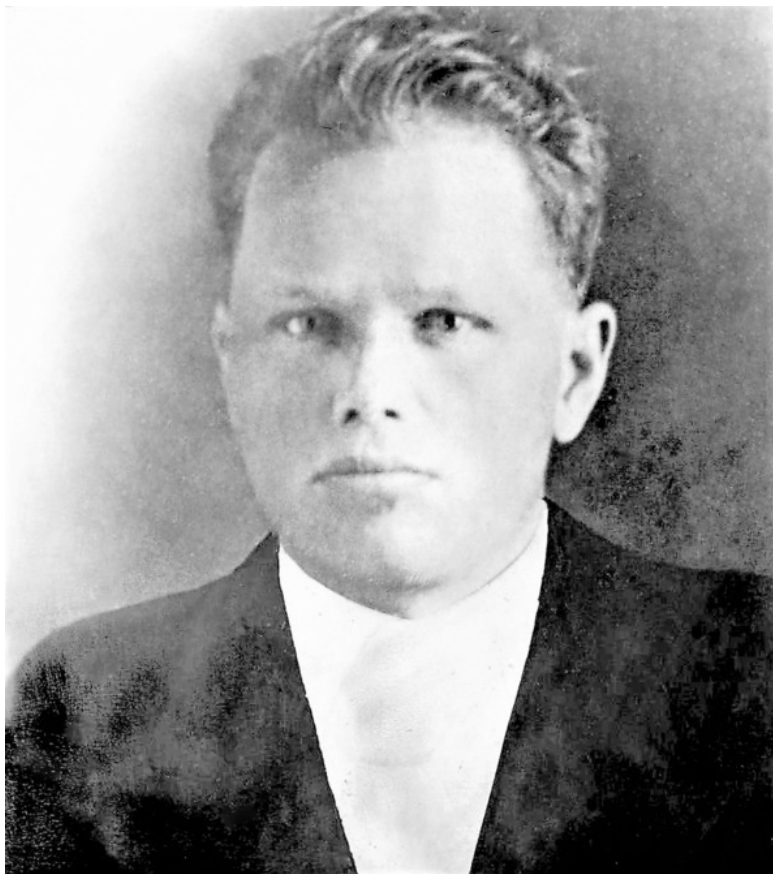

Станция Калачинская. 1960-е годы

Родственники мамы

У бабушки в тумбочке хранилась толстая книга в серой твёрдой обложке (кажется, это был толстый том учебника по истории коммунистической партии), служившая ей фотоальбомом: в ней хранились дорогие её сердцу *карточки*. Иногда мы с ней рассматривали их, сидя за столом, Баба Пана надевала очки, увеличивающие изображение, и рассказывала мне о своей прошлой жизни: «Вот это – твой дедушка. Яков Калинович Пономаренко. Папа твоей мамы. Красивый,

правда? Кудрявый.

Мой дед (отец мамы) Пономаренко Яков Калинович. 1936

У него волосы светлые были. Скоро уже двадцать лет будет, как он умер. Дед твой был офицером. Работал в райвоенкомате. В начале войны ездил по району и простудился, когда мобилизация была. Он умер от болезни лёгких. А мама твоя была чуть больше тебя, ей только шесть лет было. Вот с тех пор мы и жили с ней вдвоём. До войны у нас была своя корова, огород. Беды не знали. Да и в войну они нас спасали – голода мы не чувствовали. А потом, когда дедушку похоронили, мне стало скучно в чужих краях. Мы с ним в Тюменскую область уезжали. Родня Яши писала мне в письмах: «Паша, приезжай к нам, в Калачинск».

Семья Смирных. (Первого секретаря РК КПСС). Кала-

чинск, 1950

Я продала всё, что у меня было, и переехала в 1947 году. А должность у меня была до этого хорошая: я была заместителем председателя райисполкома по хозяйственной части. А, приехав в Калачинск, и няней была у двух первых секретарей (мне особенно нравилась семья Смирных, хорошие были люди, мы с ними жили рядом – за стенкой). Позже устроилась я секретарём-машинисткой в райком партии. Тяжело стало жить после войны – нищета, голод... Чего только не пришлось пережить! Вдовья доля очень горькая...

А когда я была такой, как ты, даже постарше: лет десять было, помню, как жили мы с родителями в глухом лесу с партизанами, на большой поляне. Тогда была война гражданская – с Колчаком. Там жгли костры, чтобы согреться и сварить пищу. Иногда было страшно: вдали слышались выстрелы... В то время жили мы в *селе Сидельниково*, на севере *Омской области, в Тарском районе*. Руководил войной против белых герой Избышев, возглавив борьбу за освобождение от колчаковцев своего родного села.

Рублевские (тётя Акулина сидит справа, Ольга и Пётр стоят). Сидельниково, 1950-е

Мои родители (стоят справа) с родственниками Рублевскими. Омск, 1958

Мой отец с Рублевскими. Омск, 1960-е

Рублевский Кузьма с супругой Евдокией. 1930-е

Рублевский Кузьма Андреевич – брат бабушки (жил в Апшеронске)

Родители мои рано умерли. И я воспитывалась у тёти Акулины, в семье Рублевских. Меня удочерили. В этой семье росли мои двоюродные брат Петя и сестра Оля, которые стали мне, как родные. Они сейчас в Омске живут. Мы как-нибудь с тобой съездим к ним в гости – в Южный посёлок. Они

живут в своих домах, с огородами. Поешь там вкусной малинки...

Ещё у меня есть родной брат – Кузьма Андреевич Рублевский, он был раньше офицером, начальником милиции работал (*на самом деле – НКВД*), сейчас на пенсии, но работает ещё пока – начальником почты. Вот посмотри карточку: они здесь с женой Дусей на курорте. А живут сейчас на юге, в *Краснодарском крае, в городе Апшеронске*. Я к ним тоже на пенсии буду ездить – отдыхать, фрукты есть. У меня ведь лёгкие больные, мы всей семьёй раньше туберкулёзом переболели: и мама твоя, а ты раз пять – воспалением лёгких. Поэтому нам всем полезно к морю съездить, подлечиться. А море там есть недалеко – в Краснодарском крае».

В Калачинске жили родственники мужа Прасковьи Андреевны – Пономаренко. С Яковом Калиновичем молодая Прасковья познакомилась в *Исиль-Куле*, так называлась станция и рабочий посёлок – центр одного из районов *Омской области*. В 30-е годы Якова выбрали там *секретарём комитета ВЛКСМ* в комсомольской первичной организации *Исилькульского райисполкома*. Он был красивым блондином с вьющимися волосами. Первый раз женился неудачно: вскоре жена от него ушла. А в 1935 году он познакомился с 27-летней Пашей Рублевской, она работала в райисполкоме секретарём-машинисткой. Вместе они учились в исилькульской партшколе. «Он стал за мной ухаживать, замуж предложил, а мне его было жалко, что жена его бросила, я и согласи-

лась», – рассказывала мне бабушка. И вскоре, 24 января 1936 года, у них родилась дочь Волечка.

Мой дед Пономаренко Я.К. (в центре) секретарь комсомольской организации Исилькульского райисполкома. 1930-е годы.

Время было очень суровое. Сначала – годы репрессий. О них Прасковья Андреевна знала не понаслышке: сама печатала многие партийные документы. И потом говорила мне, своей внучке: «Нехороший человек был Сталин: много хороших людей погубил». Среди них были её друзья и сослуж-

живцы. И всё-таки до Сибири эти события доходили позже и не в таком количестве здесь уничтожали и сажали за решётку людей, так как многие бежали в эти края из Москвы, Подмосковья и Ленинграда, чтобы избежать несправедливой расправы.

Пономаренко Я. К. перед ВОВ стал офицером. 1940

*Родня Пономаренко (стоят слева мои прабабушка Соня и прадед Калина). На патефоне звучит песня "Раскинулось море широко".
с. Воскресенка, 1940*

Партийные работники, слушая политинформации, уже знали, что Гитлер завоёвывает одну за другой страны Европы, многие стали догадываться о том, что этой участи не миновать и Советскому Союзу. А поскольку многие старые офицерские кадры были репрессированы, то стали готовить новые. Решил стать *офицером* и мой дед – Пономаренко Яков Калинович. В красивой лейтенантской форме он от-

дышал на курорте в Боровом в *1939 году*, о чём свидетельствовали фотографии в бабушкином «альбоме». Их семья переехала в село *Казанка Тюменской области*. Там дедушка стал *военкомом райвоенкомата* в звании старшего лейтенанта. Летом 1941 года началась война с фашистами. Поздней осенью *1942-го* он, участвуя в мобилизации, ездил по району в холодную погоду, была уже почти зима, и сильно простудил лёгкие (валенки военным носить в это время ещё запрещалось, так как их сезон ещё не настал, и они ходили в сапогах в лютые сибирские морозы). Заболев туберкулёзом, он вскоре умер.

Был в семье Пономаренко младший брат Якова – Фёдор Калинович. После войны он с женой Нюрой поселился в *Омске* в однокомнатной квартире недалеко от завода имени Баранова, где он и работал. Жена у него была домохозяйкой, у неё были проблемы со здоровьем. Детей в их семье не было, поэтому тётя Нюра обожала котов и их, нескольких, «воспитывала». Дядя Федя запомнился мне, как очень добрый человек с мягкой улыбкой на лице.

*Шурочка Пономаренко и Ефросинья Калиновна Баденко.
1950-е*

*Валентина Ивановна Зотова (в девичестве Баденко)
ветеран Великой Отечественной войны. Калачинск, 1970-е*

Бывшие фронтовики Зотовы с Фёдором Пономаренко (братом моего деда Якова, сидит в центре). Калачинск, 1950-е

Мамина тётя – Ефросинья Калиновна Баденко (сестра её отца, взявшая фамилию мужа) жила в *Калачинске*, рядом с горсадом, с ней жила и моя прабабушка – баба Соня (Софья Пономаренко – по мужу), которая умерла, когда я ещё не ходила в школу. А прадедушку звали Калина Пономаренко, он умер ещё до моего рождения. Говорят, что он был су-

ров нравом, строго наказывал детей и внуков, когда считал нужным. Есть в семейном альбоме моей бабушки предвоенное фото их большого семейства с детьми и внуками, которое было сделано в *1940 году в селе Воскресенка Калачинского района*. Главной достопримечательностью того времени был патефон с пластинкой, который стоял в центре фото на столе, а на другой стороне карточки надпись: «*На пластинке звучит песня «Раскинулось море широко»*». Видимо, там, в селе Воскресенка, и жили при жизни прадеда мои прабабушка и прадедушка.

Баба Фрося, сестра моего деда Якова, была верующей. У неё в *Калачинске*, в доме, в переднем, правом углу в комнате, куда заходили из сенок, (а позже – в большой комнате) висела красивая икона с окладом – Богородицы с маленьким Христом. По выходным или большим церковным праздникам она ходила в Воскресенскую церковь (в Калачинске в те времена церкви не было). И это не мешало им с моей бабой Паной, её золовкой, дружить, ведь она была коммунисткой и атеисткой, не верящей в Бога. В этом вопросе они давали друг другу полную *свободу совести*. Обе они были спокойные, добрые и мудрые женщины, и говорили, встречаясь, на чисто житейские темы, сохраняя родственные отношения и помогая друг другу в трудные минуты. Ведь Ефросинья Калиновна тоже жила одна, так как муж в годы войны пропал без вести. Воевала на фронте и её дочь Валентина (мамина двоюродная сестра), которая, к счастью, вернулась жи-

вой с фронта с боевыми наградами. Но погиб её муж – офицер, оставив им сына и внука Геннадия. Позднее тётя Валя вышла замуж за бывшего фронтовика Зотова Ивана, и у них родились ещё дети – Сергей и Елена Зотовы – мои троюродные сестра и брат. Семья Зотовых жила в хорошем частном доме (наверно, ими же и построенном) в *переулке Восточном*, под номером 10.

Валентина Ивановна Зотова, вспоминая свою фронтовую молодость, рассказывала, что служила в прифронтовой полосе на Калининском фронте, в 8-ом отдельном мостовом железнодорожном батальоне монтёром связи, а позднее – телеграфистом. В одной из бомбёжек была контужена и потеряла слух. После этого лежала в санчасти батальона, и слух частично восстановился. За участие в защите Отечества она была награждена орденом Великой Отечественной войны второй степени, потом награждалась юбилейными медалями. И всегда скромно считала, что вклад её в Великую Победу был невелик. Только рассказывала, что однажды, в 90-е годы приходили к ней молодые парни и просили продать свои орден и медали. На что она им ответила, что они просто не понимают, что для ветеранов значат их награды: ведь война всю жизнь им испортила, многие друзья погибли на фронте, и сами они всегда были на волоске от гибели. Как можно продать свою память и боль?

Дальнейшая жизнь тёти Вали прошла на калачинском элеваторе, где она проработала 31 год. Получала за свой труд

благодарности и почётные грамоты. Её портрет висел на Доске почёта предприятия. Имя В. И. Зотовой было внесено в историю элеватора. Ей были вручены знак «Отличник социализма» и медаль «Ветеран труда».

Ещё росла в семье у прабабушки и бабушки Софьи – Шуричка – вторая двоюродная сестра мамы. Дочь Ивана Калиновича Пономаренко – брата маминого отца. Она была сиротой. Когда я была маленькой, тётя Шура частенько водилась со мной. Красивая, с нежным голосом, всегда женственная, она была большой модницей: любила краситься и красиво, модно одеваться. У неё был неплохой голос, и она даже недолгое время была артисткой Омского хора и ездила с концертами. Потом тётя Шура работала медсестрой в Омске, где жила, выйдя замуж за Чумакова Михаила. Они с ним и познакомились однажды случайно после концерта, когда она выступала, будучи артисткой, в селе, где он жил. Он был лет на десять моложе её, но очень любил свою жену и не желал, чтобы она рисковала здоровьем, рожая детей (у неё были с этим проблемы). Тётя Шура, Александра Ивановна Чумакова, была и от природы красива, но ещё очень любила косметику, всегда делала макияж на лице и красиво, женственно выглядела. Была похожа на артистку (хоть побыла ею совсем недолго в своей жизни). Так и прожили они с мужем всю жизнь вдвоём в однокомнатной квартире многоэтажного дома на улице Глинки в городе Омске.

*Моя тётя Шура – артистка Омского народного хора.
1950-е*

Галя Вerveйко с троюродной сестрой Леной Зотовой.
1958

*Мои троюродные брат Серёжа и сестра Лена
Зотовы. Калачинск, 1958*

Свадьба Елены Зотовой. 1970-е

Молодожёны с родителями

Был у Прасковьи Андреевны, моей бабушки, как известно, и родной брат – Кузьма Андреевич Рублевский. Жил он с женой Евдокией, двумя сыновьями, невестками и внуками в *городе Апшеронске*. Позднее бабушка не один год летом и осенью жила у них. Ей очень нравилось *на Кубани*, куда она мечтала когда-нибудь переехать жить – «в тёплые края».

Ещё одной горячей мечтой бабушки было – жить в благоустроенной городской квартире, какие она видела у родственников в Омске – с горячей водой (тогда её подогревали газовой горелкой в ванне) и газовой плитой. Тяжело было в пожилом возрасте топить печку, носить воду. И она говорила мне: «Может, тебе повезёт? И ты будешь жить так, как я мечтаю? Хоть бы ты пожила по-людски...» И в будущем эта её мечта исполнится.

Родные отца

Ну, а теперь я в своём повествовании перейду к родственникам отца.

В нашей семье все любили читать. Выписывались разные газеты и журналы, но больше всего запомнились «Огонёк», «Работница», «Крестьянка», «Правда», «Известия», «Омская правда» и *калачинский «Сибиряк»*. В редакции этой газеты работал мой дед – отец папы – Вerveйко Антон Евдо-

КИМОВИЧ.

У него была большая семья: с бабушкой Марией Алексеевной Вервейко (в девичестве – Безродных), они воспитали восемь детей и девятого племянника – Виктора Безродных (сына бабушкиной сестры Прасковьи, жившей вместе с ними). Бабушка рассказывала, что когда-то с ними жила ещё одна её сестра Ксения, но она умерла до моего рождения.

Семья Вервейко. Калачинск, 1948—49. Слева направо – 1-й ряд: Гена, Зина, Витя Безродных, Валя, Надя; 2-й ряд: Валентин (зять) и Ольга (дочь) Дейнега, Антон Евдокимович и Мария Алексеевна; 3-й ряд: Нинель, Борис, Анатолий, Ксения Алексеевна Безродных.

Я со своими тётями – Зиной, Надей и Валеё. Калачинск, 1958

Я была второй по возрасту внучкой в семье Вerveйко. Первой была дочь самой старшей дочери Ольги – Валентина, её все звали «Валечка». Их семья жила на Кубани (фамилия – Дейнега). А я была дочерью четвёртого ребёнка семейства Вerveйко и самая старшая «сибирская» внучка. Через три года после моего рождения на свет появился мой двоюродный брат Женя Вerveйко – сын дяди Бори – старшего из братьев (после сестёр Ольги и Нели). Кстати, дедушка как-то мне рассказал, что вторую свою дочь Нинель они с бабушкой называли в честь Ленина (если прочесть её имя обратно). Так хотелось увековечить имя всеми любимого тогда вождя! Обычно же её все звали коротко – «Неля».

Так вот, с Женей мы вместе росли, так как его родители – дядя Боря и тётя Лида Вerveйко – частенько привозили его из Омска, где они жили, погостить в Калачинск. С ним мы обследовали дедушкин огород: ели паслён около забора, пробовали первые овощи или ягоды.

Я стою у дома деда по ул. Вокзальной, 46 в 2000 году

Рядом с домом деда был палисадник со стороны улицы (дом и сейчас стоит по улице *Вокзальной, 46*), недалеко от старого элеватора. В палисаднике росли цветы: астры, ноготки, анютины глазки. А над окнами обвивались вокруг нитей до крыши хмель и вьюн. В жаркие летние дни на широких досках пола, покрашенных яркой жёлтой краской, расстилались матрацы, на которых мы любили поспать в часы самой жары в июльские деньки после вкусного обеда, наевшись окрошки, щей или борща. Ставни в зале днём закрывали, и было так прохладненько, хорошо после невыносимой уличной жары.

Фрагмент комнаты в доме дедушки и бабушки. Калачинск, 2019. Всё в ней сохранилось, как в музее, и в XXI веке!

Во дворе дома мы играли на ярко-зелёной травке-муравке, любили заглядывать в курятник, где сидели куры на насесте или высидывали в тёплом местечке яйца, а петух важно вышагивал, хлопая крыльями и кукарекая. В сарае лежало свежее сено, а рядом стояла будка, в которой жил белый пёс с чёрными пятнами по бокам, его звали Полкан. А слева от сарая находился хлев, где жили корова и свинья (за загородкой). Иногда около свинки хрюкали маленькие поросята. Коричневую корову, с белыми пятнами, звали Зорькой. Её

рано утром выгоняли пастись в общее стадо, которое обычно пастух уводил в поле за железную дорогу. Мы днём пили парное молоко (хоть не очень-то его в детстве любили!), так как нас бабушка с дедушкой уверяли, что оно очень полезно для здоровья детей. Бабушка ходила в полдень с ведром к стаду, где хозяйки доили на полянке коров. Вечером ходили с ней в хлев и смотрели, как бабушка доит молоко в ведро, сидя на маленьком стульчике возле коровы, а потом сбивает из сливок сметану в сенках.

Бабу Марусю мы очень боялись. Мария Алексеевна (так её часто величали даже собственные дети) была строгой, частенько на нас кричала, а иногда, показав на прутьи, висевшие всегда на видном месте – на стене в кухне, попугивала нас, приговаривая: «Вот возьму – орясину!» И когда мы не слушались, и вправду, брала и бегала за нами по двору. Жиденькие прутьи обжигали тело, когда она случайно попадала в нас, озорников. А мы смеялись и убегали.

Вот так баба Маруся иногда умирала внучат-озорников! (На снимке Рома Вerveйко и Вадик Шананин). 1970-е

Мы притихали на какое-то время, а потом незаметно исчезали в огород. И старались там компенсировать за полученное наказание свои животики, уплетая, например, сладкие спелые тёмно-красные ягоды малины с кустов. Искали поспевшие огурчики в грядках с навозом и хрустели сочными зелёными плодами. Обычно они не были горькими, так

как дедушка нас учил, что огурцы очень любят поливку, а если их редко поливать, то шкурка у них становится горькой. И он не жалел воды на огуречные грядки. Позже, в августе, поспевали красные и жёлтые помидоры, которые мы ели с сахаром. Особенно я любила продолговатые маленькие «дамские пальчики» со сладковатым привкусом. Вместе с дедушкой по вечерам мы поливали огород из небольших леек, купленных специально для нас, или – из шланга. Когда было жарко, то дедушка обливал и нас, чтобы освежить, а мы смеялись!

Обычно во дворе, у огорода, сооружался душ, сколоченный из свежих деревянных досок моим отцом – Анатолием Антоновичем Вервейко. На крыше стояла большая железная бочка с водой, которая за день нагревалась на сильном солнце. И было так хорошо и приятно стоять вечером под тёплыми струйками воды!

Вечером все собирались в доме – на кухне. А в большой комнате было открыто окно в палисадник, занавеска красиво развевалась на ветру. Из палисадника доносился запах цветов. И я любила сидеть там одна и о чём-нибудь мечтать. Потом дедушка начинал нам всем что-нибудь читать вслух (после семейного ужина с жареной картошкой и салатом из овощей со сметаной) или рассказывать о своей жизни, усадив нас вокруг стола на кухне. У левой стены стоял буфет с посудой, а у двери, справа, стояла русская печь, на которую мы иногда забирались. На ней по ночам спала баба Паша – сест-

ра бабы Маруси.

Виктор и Прасковья Алексеевна Безродных. Москва. 1960-е

Бабу Пашу, Прасковью Алексеевну Безродных, маленькую и худенькую (племянники её частенько поднимали на руки при встрече!), очень все любили в семье, она была безобидная, добрая. Любила петь за столом. Единственное, что не всем нравилось: она курила. Но и на это все как-то смотрели с улыбкой, снисходительно. Позже она уехала к своему сыну Виктору Михайловичу Безродных в *Новосибирск*, где он окончил два института, став инженером. Однажды он ездил со своей матерью в Москву, решив показать ей, неграмотной сибирской пожилой женщине, столицу. Дядя Витя прислал оттуда своим родственникам качественную чёрно-белую фотографию на Красной площади, где он стоит со своей мамой.

Днём дедушка обычно ходил по магазинам, закупая провизию, или работал за столом: писал что-то в свои тоненькие тетрадки. Заметки и статьи в газеты, мемуары о своей жизни. И мне всё это было очень интересно: что же это он там пишет? Иногда он читал написанное вслух бабушке. Сама она при мне никогда не читала и не писала, видимо, была не совсем грамотной. Но руки её никогда не знали покоя. Всегда, сидя за столом и слушая деда, она то пряла пряжу на прялке, то вязала, то что-то строчила на своей старенькой, но верной «зингеровской» швейной машинке. А по выходным, с ран-

него утра, любила ходить на базар и продавать сшитые и связанные детские вещички, которые перешивались и перевязывались – из больших.

В зале (всё в той же большой комнате) стояла печь, две большие железные кровати с перинами и подушками, кружевами по низу покрывал, круглый стол (он раздвигался по праздникам на – длинный продолговатый) – и комод с шифоньером, покрытые светлой полировкой. Мебель делал своими руками старший сын Борис Антонович, мой дядя, живший в Омске. На стене, над кроватью четы Вербейко, висели портреты бабушки и дедушки в молодости. Они умели создать в своей семье культ родителей, безмерно уважая друг друга, и этим вызывая уважение у своих детей и внуков. Бабушка (при всём её суровом характере!) называла мужа «Антоша», а он звал её «Марусей». Между собой они почти не ссорились, если иногда бабушка и начинала шуметь, то дед всегда в это время молчал и не продолжал ссору. Никогда из его уст я не слышала грубого слова. Он был во всём интеллигентом: и в своей работе, и в семейной жизни.

Над кроватью, что стояла у печки, висели балалайка в футляре и вышитый серо-чёрными нитками на голубом фоне портрет писателя Максима Горького. Это были «атрибуты» самой младшей их дочери – Надежды. Она училась в музыкальной школе и занималась вышиванием. Надя мне запомнилась, как неутомимая рассказчица, которая всё воспринимала с юмором, обращала внимание на такие детали в жиз-

ни, которые для многих остаются незамеченными.

Самым большим украшением комнаты была большая вышитая картина, где преобладали сиренево-фиолетовые цвета ниток – танцующая балерина. Её вышивала средняя дочь семейства – Зинаида. Она в это время училась в Омском педагогическом институте на историко-филологическом факультете, и позже стала учителем истории в калачинской средней школе №4, выйдя замуж за спортсмена – Геннадия Шананина, который был чемпионом России по мотокроссу. В нашем городе даже проводились всероссийские соревнования по этому виду спорта, так как у нас в Калачинске жили чемпионы – Бугаенко, Жеребятьев и Шананин, и все жители города активно приходили «болеть» за них.

На кроватях лежали «думочки» – маленькие подушки с вышитыми крестом яркими цветами на чёрном фоне материала, на столе и комоде – кружевные салфетки, вышитые и связанные молодыми дочерьми – Зиной, Валею и Надею.

Иногда мне вспоминаются «семейные баталии» на кухне. Когда мы оставались в доме одни: дед с бабой уходили в гости или уезжали к другим детям, то две самых младших сестры – Валя и Надя, начинали друг с другом спорить и «делить территорию». В эти мгновения они брали нас с Женей каждого на свою сторону: Валентина – меня, а Надежда – Женю. Кухня перегораживалась табуретками, и мы начинали либо метать подушки друг в друга, либо кричать (чаще это делали наши молоденькие тётушки-школьницы), не пуская на свою

территорию «противника».

У тёти Вали в школе был очень дружный класс, а она была в нём комсоргом (училась она в средней школе №2, за линией железной дороги). У неё было очень симпатичное голубое школьное платье из шерстяной ткани, которое она сшила сама, так как умела прекрасно шить, получив аттестат портнихи в школе, после окончания 11-ти классов (тогда в школе получали и профессию, а не только теоретические научные знания). На этом платье очень красиво смотрелся красный комсомольский значок. Весь их класс очень любил свою классную руководительницу. По какой-то причине она уехала жить в Омск, не доучив их до конца учебного года в выпускном классе. Им хотели поставить другого классного руководителя, но комсомольцы на собрании постановили, что его им не нужно, они будут жить с самоуправлением. Педсовет разрешил им самим проводить классные часы, ставить оценки по дисциплине. И выпускники справились с этим. А после окончания школы через каждые пять лет собирались в Омске, в доме своей любимой учительницы. Иногда они, учась ещё в школе, в Калачинске, устраивали у кого-нибудь из одноклассников на дому свои классные вечеринки, и тётя Валя брала меня с собой, хоть я была ещё совсем маленькой, дошкольницей. Они пели свои любимые комсомольские песни, танцевали модные танцы – 60-х годов XX-го века. И мне это очень нравилось. Хотелось скорее вырасти, чтобы также собираться со своими школьными друзьями, а главное – хо-

телось быстрее вступить в комсомол!

Свадьба Геннадия и Нины Вервейко. Калачинск, 1961

Фотографии в нашем семейном альбоме напоминают об одной свадьбе – младшего из братьев в семье Вервейко – Геннадия (пятого ребёнка в семье). Было это в 1961 году. На отдельном фото – очень счастливая, смеющаяся пара молодожёнов – Гена и Нина Вервейко. А рядом, на другой фотографии, изображено всё большое счастливое семейство за свадебным столом. И что самое смешное – мы с Женей (мне – 5 лет, а ему – 2 года) сидим в центре стола, как жених и невеста, на руках у дедушки с бабушкой. А жених с невестой – «сбоку-припёку» – с правого края стола. При-

чём, жених сидит, а невеста – стоит! Вот как всё смешно получилось в весёлой свадебной кутерьме! Дядя Гена с тётей Ниной вместе учились в железнодорожном техникуме, после его окончания они работали на станции «Калачинская», получив за линией, почти рядом с железной дорогой, квартиру. Когда мы приходили к ним в гости, то меня очень удивляла дребезжавшая от проходивших мимо поездов посуда в шкафах. Дядя Гена был всегда очень похож на деда, и внешне, и по характеру – добрый, рассудительный, обычно – с улыбкой на лице. (Вообще-то, все три брата были почти «близнецами» по своей внешности, и их можно было спутать, когда они были по одному). Тётя Нина была красивой, с толстыми тёмно-русыми косами, весёлой, доброй, но всегда принципиальной и очень справедливой. Всю жизнь старалась помогать многочисленным родственникам, как своим, так и со стороны мужа. В молодости она активно участвовала, как актриса, в спектаклях народного театра, который занимался в стенах клуба железнодорожников. В 60-е годы у них с дядей Геной родились две дочки – сначала Иринка, а позже и младшая – Людмилка. Позднее они уехали всей семьёй жить и работать в Кемеровскую область. Жили очень дружно, а летом всегда куда-нибудь ездили всей семьёй отдыхать – по путёвкам или к родственникам (у тёти Нины они жили на западе России), так как у железнодорожников были льготные бесплатные билеты в поездах на всю семью. Моя мама всю жизнь дружила с тётей Ниной, они переписывались и встречались. А при

встрече вели душевные разговоры. Тётю Нину все любили и уважали в семье Вервейко, она пользовалась непререкаемым авторитетом, так как во всём старалась быть справедливой и честной.

Мне 6 лет. С дядей Витей Безродных во дворе дедушкиного дома. Калачинск, 1962

Все дети большой семьи Вервейко на свадебном фото 1961 года – молодые, красивые, дружные, счастливые... Отец семейства их всегда настраивал на то, что нужно обязательно учиться, чтобы получить высшее образование. Своим примером работы в редакции он показывал, как важно быть грамотным человеком, чтобы тебя уважали в обществе. И позднее все дети Антона Евдокимовича получили профессии, полезные обществу. Ольга Антоновна Дейнега работала в потребкооперации в *городе Славянске-на-Кубани* (была начальником отдела цен горпо). Нинель Антоновна Вервейко – инженером (она окончила Омский автодорожный институт) в *городе Темрюке Краснодарского края*. Борис Антонович Вервейко стал строителем, начальником цеха на заводе ЖБИ в *Омске*, затем – директором омского отделения фирмы Пан-Сиб. Анатолий Антонович Вервейко – получил профессию экономиста в Омском сельскохозяйственном институте (работал начальником инспекции Госстраха в *Калачинске*, заведующим райфинотдела в *Исилькуле* и зам. председателя райисполкома в *Кемеровской области – г. Мариинске*). Геннадий Антонович Вервейко перед уходом на пенсию был начальником по гражданскому строительству на *Кемеровской железной дороге*. Зинаида Антоновна Шананина – педагогом в *Калачинске* (была учителем истории в средней школе

№4). Валентина Антоновна Прокофьева участвовала в строительстве Саяно-Шушенской ГЭС в Красноярском крае после окончания Омского автодорожного института. Надежда Антоновна Вервейко стала ревизором Омского областного РУ. А племянник Виктор Михайлович Безродных работал в *Новосибирске* в конструкторском бюро НИИЖТа, был автором проекта железнодорожного вокзала в Калачинске, а позже – в 90-е годы, руководил крупной строительной фирмой ПанСиб, живя в Новосибирске и в Москве.

Антон Евдокимович и Мария Алексеевна Вервейко были почётными родителями: они участвовали в работе родительских комитетов школ, где учились их дети, выступали перед общественностью, делились секретами своего воспитания. А бабушка хоть всю жизнь почти и была домохозяйкой, но любила заниматься общественной работой – была квартальной на своей улице. А в свои молодые годы, ещё до замужества, живя в *Иркутской области – городе Тулуне*, она была и воспитателем в детском саду, и нянечкой, потом – пионервожатой в школе. В *начале 20-х годов* была активисткой в борьбе с беспризорностью: снимали беспризорных ребят с поездов и определяли их к месту. Иногда Маруся брала их на воспитание в свой пионерский отряд. Пыталась отучить их от воровства (они даже простыни с кроватей, на которых спали, воровали и продавали!). И всё-таки её отряд в школе стал лучшим, за это их наградили поездкой в *Москву* на встречу с Надеждой Константиновной Крупской.

Родня Вервейко. Калачинск, 1958

Вот так разрослась родня к 60-летнему юбилею дедушки. 1965

Главной традицией в семье Вервейко были *праздничные застолья* в дни рождения и юбилеи всех членов семейства. Пища на них была простой, главное было – общение. Дедом составлялись списки именин на весь год, чтобы никого не забыть поздравить (в том числе и новых родственников, которые прибавлялись после свадеб). Глава семейства – Антон Евдокимович, готовил к каждому дню рождения (и всем

женщинам семейства – на 8 Марта) поздравительную открытку и новую книгу в подарок с собственноручной подписью, выполняя на деле лозунг того времени: «Книга – лучший подарок». Да и на самом деле тогда считалось, что книги – самое ценное, что есть в доме. Дед любил художественную литературу и книги о жизни революционеров, В. И. Ленина. Они стояли в зале на этажерке с салфетками, а в углу, рядом с ней лежали кипы газет. Дедушка целый год хранил свою подписку, строго-настрого предупреждая семейство, ничего не трогать из бумаг без его ведома. Однажды дед показал мне старенький «Боевой листок», заголовок которого был отпечатан в типографии. Его он выпустил ещё в военный год, к 15-летию дочери Нели, где семья поздравляла её с юбилеем. Так же в нём выражалась благодарность сыновьям за то, что они собирали уголь между путей на железной дороге, чтобы им топить печь в доме (ведь с топливом в войну было очень трудно).

Оба моих деда, а вернее – их предки, были выходцами с *Украины* – Пономаренко и Вервейко. Второй был родом из *Винницы* (по его рассказам), а позже семья родителей жила в Курске. Разговаривал он всегда на русском языке (хотя, конечно, умел и по-своему), а вот писал иногда и по-украински. Я, став школьницей, иногда пыталась «расшифровать» эти его записи. Он приехал в Сибирь вместе с родителями. Отец его искал лучшей доли в Сибири на *больших землях* незадолго до революции, но так и не нашёл здесь

счастья: сначала умерла жена, а потом и он сам. И в 15 лет дед мой остался полным сиротой. В *20-е годы* был среди первых комсомольцев, а потом вступил в партию. В 1931 году он поступил учиться в Коммунистический университет Иркутска на газетное отделение. Затем работал журналистом сначала в *Иркутской области – городах Зима и Тулун*, потом в *Красноярском крае – Минусинске* (там, кстати, родился мой отец в 1936 году, 16 марта). Жил Антон Евдокимович со своей семьёй и в *Канске, Ачинске*. Здесь в мае 1943 он становится помощником секретаря Ачинского райкома ВКП (б). А затем партия вновь направляет его работать редактором газеты «Социалистический труд». Во время войны он получил бронь, так как его работа в редакции очень ценилась: печатное слово поднимало дух людям, организуя их на борьбу с фашизмом. В тылу в войну всех призывали работать для армии. А после войны они с бабушкой и семьёй детьми – старшими дочерьми Ольгой и Нинель, сыновьями Борисом, Анатолием и Геннадием и младшими дочками Зинаидой и Валентиной – *приехали в Калачинск*, получив дом недалеко от станции на улице Вокзальной – бывший райсо-бес, в 1946 году. В этом же году в семье родился восьмой ребёнок – дочь Надежда. Здесь, в Омской области, Антон Евдокимович – глава большого семейства – надеялся спасти семью от голода, прочитав в газете, что колхозники не успели убрать урожай, и он остался под снегом. «Значит, там много хлеба, – решил Антон Евдокимович и поехал «на разведку»

со старшими детьми. И, действительно, отоварил все свои карточки в Омске, приехав домой с мешками провизии. Это было неслыханным счастьем в те времена.

Дед родился *в 1905 году*, а жена его была младше – *с 1907-го*. Бабушка была родом из семьи *забайкальских казаков*. Говорят, что у неё был очень строгий отец, который сильно бил своих детей. Может, потому у неё и были характер и нрав не из лёгких. Подчиняясь идеям своего времени, они с дедом были атеистами, тем более, что он был коммунистом, поэтому детей своих не крестили, как это ещё по традиции делали другие люди, но Мария Алексеевна в тайне хранила в кладовке одну икону, которую нашли её дети уже в последние годы жизни бабушки. Она владела некоторыми знахарскими знаниями, так как сама часто лечила своих детей, не всегда прибегая к помощи врачей.

Более 30-ти лет проработал Антон Евдокимович *в печати*, последние 12 лет перед пенсией – *в калачинской районной газете*. Сначала он работал в Калачинске как корреспондент областной газеты «Омская правда», а затем был переведён на должность ответственного секретаря калачинской «Колхозной жизни», где в основном сообщалось о текущих сельскохозяйственных работах. С 1951 по 1952 год работал в ней редактором. С 1 апреля 1953 года газета стала называться «Калачинской правдой». В неё направили из Омского обкома КПСС нового редактора, а А. Е. Вервейко работал позже его заместителем, ответственным секретарём и зав.

отделом писем. Позднее, в 1962 году, газету переименовали в «Сибиряк», а когда она только появилась на свет – 7 Ноября 1922 года, то называлась «Красные огни».

Дедушка очень любил собирать архивы, чем заразил в последствии и меня. В кладовке дома, дверь которой выходила в сени, у него был своеобразный «музей». И он частенько доставал оттуда таинственные для меня вещи. Так однажды Антон Евдокимович нашёл там свой *дневник 1924 года*. В нём он описывал свои чувства в день смерти В. И. Ленина, которую он очень глубоко переживал в свои юношеские 19 лет, как, впрочем, и большинство людей в нашей стране. Все они горячо верили, что этот человек ведёт их к светлой справедливой жизни. И траур был поистине всенародным. Поэтому описание этого дня было обведено в чёрную рамку.

Мой дед Антон Евдокимович Вервейко – журналист, ветеран газеты «Сибиряк» г. Калачинска. 1970-е

Антон Евдокимович собирал интересные для него старые

газеты, журналы и некоторые школьные тетради своих детей, поэтому я знала все почерки своих дядюшек и тётушек, и была в курсе их школьных успехов, которые, надо сказать, были у всех приличные. И в дальнейшем все дети Антона Евдокимовича стремились стать хорошими специалистами, окончив институты и техникумы. Это, конечно, было примером для меня, когда я стала школьницей. Я была просто уверена в том, что в нашей семье учиться плохо нельзя.

Для деда я была *особым* ребёнком, так как родилась в «святой» для него день — 5 мая – советский День печати. Он говорил, что это – символично, и «Галя должна обязательно пойти по моим стопам». С детства дедушка приучал меня к журналистскому делу. Едва я научилась писать, как мы с ним стали сочинять заметки в «Пионерскую правду» и местные газеты Омска и Калачинска. С большой радостью я получала из издательств ответы на фирменных бланках с отпечатанным на машинке текстом, где мне давали советы в начинающейся литературной деятельности.

Как-то, помню, Антон Евдокимович отыскал журнал «Огонёк», выпущенный в мае 1945 года и посвящённый Победе в Великой Отечественной войне. В нём было много портретов военачальников разных размеров, и среди них, к моему удивлению – самый маленький, скромный, в верхнем правом углу на одной из страниц – портрет И. В. Сталина. Видимо, он сам «удостоил себя» такого места в истории войны, так как никто бы из журналистов не осмелился отве-

сти такое, почти незаметное, место для Главнокомандующего Верховной Ставки.

Антон Евдокимович показывал мне, внучке, этот портрет и говорил:

– Вот смотри: такой маленький портретик. А теперь посмотри на нынешние газеты.

Во всех газетах *60-х годов* крупным планом на первой странице печатались фотографии тогдашнего руководителя страны – Н. С. Хрущёва. Дед продолжал:

– Он развенчал культ личности Сталина. А что тогда это?

Нет, сталинистом Антон Евдокимович вовсе не был. Он всё воспринимал в жизни с юмором. И любил рассказывать такую историю. В годы Великой Отечественной войны один редактор районной газеты случайно пропустил ошибку, которую сделали наборщики в типографии: была пропущена буква «л» в слове «главнокомандующий», а дальше шло имя – И. В. Сталин, что совершенно меняло смысл его должности, вызывая у людей смех. За это редактора тут же сняли с работы, а все газеты были срочно изъяты из продажи. Вряд ли об этом узнал *вождь народа*, иначе оказалось бы немало репрессированных из-за этой несчастной, выпавшей буковки.

Страх быть посаженным в тюрьму вынуждал людей идти на крайние меры находчивости. Однажды одного руководителя пекарни (тоже в сталинские времена) вызвали в райком партии по поводу разборки насчёт запечённого в хле-

бе таракана. Он внимательно посмотрел на него, ковырнул, положив в рот, и удивлённо произнёс: «Какой же это таракан? Это же – изюминка!» И с видимым удовольствием разжевал его, таким образом, уничтожив *вещественное* доказательство. Это тоже был рассказ из «репертуара» моего деда.

Антон Евдокимович показывал мне и их с бабушкой награды: Мария Алексеевна имела *орден Материнской славы* за воспитание своих детей, а он в *1957 году* был удостоен вместе с другими сотрудниками калачинской редакции медали «*За освоение целинных и залежных земель*», так как газета проводила большую работу по мобилизации людей на освоение целины.

Кстати сказать, этой же медалью была награждена и моя бабушка Рублевская Прасковья Андреевна за работу в райкоме партии в этом направлении. А мои молодые родители, Вервейко Анатолий и Ольга, когда мне исполнилось чуть больше года, (до того, как отец служил в армии), оставив меня на попечение бабы Паны, уехали в экспедицию *на Алтай* всё теми же *целинниками*. Правда, вскоре им пришлось вернуться, так как я сильно заболела. Была осень, бабушка делала ремонт в своей комнате – белила и красила, и жили мы с ней в сарае. Ночью было прохладно, я простыла и заболела воспалением лёгких. К моему плачевному состоянию добавилось и то, что медики ставили уколы, видимо, не совсем стерильными иглами. И на месте уколов образовался большой нарыв – с яйцо. Я очень тяжело дышала, все род-

ственники уже плакали и думали, что дни мои сочтены. Тогда моя бабушка, Мария Алексеевна, у которой был опыт лечения своих восьми детей, пошла на крайнюю меру, сделав собственноручно *операцию*, вырвав этот нарыв. Вскоре я уснула... и пошла на выздоровление. Эта же бабушка дала мне имя при рождении, так как меня долго называли «девочкой». Она, посмотрев на мою огненно-рыжую головку, сказала: «Да пусть будет Галькой!» И так меня стали называть, в соответствии с этим, кто – Галочкой, кто – Галчонком, а баба Пана с отцом чаще называли Галинкой.

Надо сказать, что бабушка, давшая мне имя и вторую жизнь, в детстве не очень любила меня, так как я рано родилась у моих родителей, которые «ещё не нагулялись». И даже не совсем верила, что я для них – родная внучка, так как я родилась *огненной*, и она говорила, что «рыжих в их родне ещё не было». (Правда, позднее, в семье дяди Бори родился ещё один *солнечный* ребёнок – мой двоюродный брат Вовочка). Говорят, за эти слова отец даже, в сердцах, чуть не разбил табуретку, ударив её о пол, нисколько не сомневаясь в моём происхождении, да и по фотографиям можно явно определить моё сходство со всеми братьями и сёстрами моего отца. А люди все говорили по-разному: кто называл меня *папиной дочкой*, кто говорил, что я — *вся в мать*. Но, в общем-то, и родители мои были очень похожи между собой. И даже имена у них были созвучны: Толя и Оля. И вот я, чувствуя негативное отношение ко мне бабушки, частенько

не хотела идти к ним в дом, хотя деда своего я очень любила и скучала по нему. Но на большие праздники я с удовольствием шла к бабушке и дедушке, так как было очень весело, когда дети и внуки собирались вместе. И я, как старшая среди внуков, была заводилой во всех наших играх.

*Внуки Вервейко А.Е. и М.А: Галя (стоит), Женя, Иринка,
Вовочка, Романок и Вадик Шананин. Калачинск, 1 мая 1968*

Глава 2. Школьные годы родителей

КАЛАЧИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА

7А КЛАСС 1950-1951 УЧЕБ. ГОД.

РАБ. ПОС. КАЛАЧИНСК

Пономаренко Оля (первая во 2-ом ряду слева) с одноклассниками. Июнь, 1951

Мои родители познакомились в детстве, учась в калачинской средней школе №1 в одном классе. Ещё в 7-ом классе Вервейко Толе понравилась Пономаренко Оля со светлыми красивыми толстыми косами – главной девичьей красой того времени. И он иногда её дёргал за них, чтобы обратить на себя внимание.

Классным руководителем в их классе была учительница математики Черненко Ефросинья Савельевна (она сидит в центре на выпускном июньском фото 10 «А» класса), завучем школы – всеми уважаемая учительница русского языка и литературы Ольга Александровна Тимофеева (сидит слева, вторая), которая тоже учила их класс. Учителем рисования был художник Сергей Карлович Гельвиг (сидит первый слева) – большой авторитет в Калачинске (уже в зрелом возрасте кто-то из одноклассников подарил маме его картину с пейзажем, которая украшала стену в нашей квартире).

Калачинский пейзаж С. К. Гельвига

10 "А" класс. Средняя школа №1. г. Калачинск. 10 октября 1953 года с классным руководителем Черненко, завучем Тимофеевой и директором Медведевым.

10-й КЛАСС КАЛАЧИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ №1 июнь м-ц. 1954 г.

*Выпускники 1954 года средней школы №1 г.
Калачинска. 10 «А» класс. Июнь.*

Класс был дружный. Частенько они вместе собирались на улице или приходили домой друг к другу – Дмитриев Анатолий, Матвеев Виктор, Степанова Валя, Перчина Галя и другие. Я помню, как и после школы, они то вместе ходили на пляж, то шли на какой-нибудь пикничок в «Чапаевский» сад, то смеялись за столом у нас дома. Многие потом уехали в другие города, но некоторые остались в Омске и Калачинске.

Юная мама – Пономаренко Ольга, Калачинск, 1955

Любимой школьной подругой мамы была Валя Степанова. После окончания школы Валентина подарила маме хороший фотоальбом с коричневой обложкой, а на последней странице написала замечательные стихи:

*Душа замирает,
Баян умолкает
Когда расстанутся друзья...*

Отец мой, окончив 8 классов, поступил в *ремесленное училище на Кузбассе*. Он присылал оттуда маме свои фотографии, на одной из них, с виньеткой, он написал: «Дарю тому, кого люблю. Оленьке от Анатолия. Не забывай друга».

Юный отец – Вервейко Анатолий. Кисилёвск, 1953

Пономаренко Оля с подругой Валею Степановой. Калачинск, 1953

Валентина Степанова – актриса и режиссёр. Омск, 1950-е

Галя Перчина. Калачинск, 1954

Галина Баранова. Свердловск, 1955

Портрет
деток и
новень и
от Галины
(правда, много
по книге, если
показать).

II-5500. I курс
2. Свердловск.
Г. Бодунов

Дмитриев Анатолий. Школьный друг родителей. 1954

На долгую
память

дорогому „солову“,
верному и теплому
товарищу и
хорошей, гостиницей
девушке
от

созвездника и „солоза
Дмитриева
Анатолия.

30.8.54г.

Город Калугинск
(День отъезда в
изгнание)

Подпись на фото, подаренном маме.

Два Анатолия и друга-футболиста – Косачёв и Вервейко.

Калачинск, 1953

Пономаренко Оля. Калачинск, 1952

Семья и школа, армия и работа

Школьная любовь моих родителей выдержала эту первую юношескую разлуку, и в *1955 году* они поженились, а в *1956-ом* родилась я. Так нас стало трое. После поездок моих родителей в экспедицию, отца моего призвали служить на *Дальний Восток, в Хабаровск*, где он был водителем у какого-то генерала. На армейских фотографиях он очень симпатичный, всегда подтянут и строен.

Вернувшись из армии в *1960 году*, Анатолий Антонович стал работать *шофёром*. И я очень гордилась этой его профессией, любила запах бензина и всегда говорила: «Мой муж будет шофёром!» Все взрослые смеялись, слушая это моё изречение. А отец частенько брал меня с собой в недалёкие рейсы. Однажды он с зарплаты купил новенький проигрыватель, и первой песней, которую мы всей семьёй слушали на пластинке, была «о нём»: *«Крепче за баранку держись, шофёр...»*

Модный парень – Анатолий Вервейко: купил обновы со своей зарплаты! Калачинск, 1953

Наша семья провожает одноклассников родителей с детьми на остановке улицы Заводской. Калачинск, 1966

Одноклассники в гостях у Дмитриевых в Омске. 1970-е

В гостях у одноклассников родителей

Я бывала и с родителями, а позже, когда стала взрослой, и без них в гостях у их одноклассников, как будто у своих родственников. Особенно запомнились мои посещения самой близкой маминой школьной подруги Валентины Криницкой (до замужества Степановой). Она была режиссёром, жила в Омске и руководила театральным коллективом «У криницы». Её сын Вадим дружил с моим младшим братом Романом и присылал им с мамой свои фото из армии. А когда я училась в Ленинграде на ФПК преподавателей ву-

зов по МХК в РГПУ им. Герцена в 1991 году, то мы с Валентиной Криницкой переписывались, она мне давала мудрые советы.

Вторым близким другом нашей семьи был Дмитриев Анатолий. Он тоже уехал жить в Омск. Когда он женился, то они с женой Галиной, стали дружить семьями с моими родителями. И мне приходилось бывать у них в гостях. Моя мама часто останавливалась у Дмитриевых, когда приезжала в Омск (жили они недалеко от Омского железнодорожного вокзала на улице Гризодубовой). И даже, когда родителей не стало, то они продолжали мне писать письма, присылать фотографии, интересоваться моей жизнью. И до сих пор мы перезваниваемся: мне уже 67 лет, а Анатолию Константиновичу – 87! И живут бывшие омичи Дмитриевы на Дальнем Востоке, а я на Алтае.

Как учились в 40-50-е годы в калачинской средней школе №1

Прочитав рукопись моей книги «В родных Калачиках», Анатолий Константинович мне написал свои воспоминания о жизни в родном городе. Вот что он писал о своих школьных годах: «Я тоже вспоминаю свою первую учительницу Лидию Николаевну (фамилию не помню) и уважаемую Ольгу Александровну Тимофееву (завуча школы, филолога), и первого учителя немецкого языка Гебель Артура Яковлевича (он

в дневнике расписывался полной фамилией, а когда мы стали добавлять к его подписи букву «с» – сократил свою подпись до 3-х букв!), и «ботаничку, тонкую как спичка, на высоких каблуках и с ботаникой в руках» (имени её не помню), интеллигентного Сергея Карловича Гельвига, учителя рисования, и Михаила Антоновича Фурманчука (почти всегда улыбающегося; когда он пришёл в нашу школу, он вёл кружок пения, и я там «блеял» про «краснотал»). Уроки физики вёл Кузовкин Дмитрий «Кулонович», как мы его называли. Отчество его было созвучным (не помню), но иногда по запарке мы его так и величали «Кулоновичем». Но он не обижался – улыбался. Азартно вёл урок: вечно весь перемажется мелом!

Он вёл кружок физики. С ним мы радиофицировали всю школу. В воинской части купили самодельную радиолу и по радио на всю школу звучали политинформации, объявления, радиогазета, музыка.

В 9 и 10 классах у нас классным руководителем была Черненко Ефросинья Савельевна: суховато-строгая, но прекрасный математик.

И хотя в наши школьные годы у нас не было таких возможностей, как у тебя, Галя, но были и школьные вечера, и кое-какие кружки, и секции (правда, это уже в старших классах когда учились): и лыжи, и коньки, а в младших классах, летом – босоное детство! Вспоминается это всё с грустью, но всё равно приятно вспоминать».

Вот так учились мои родители. Прошло девять лет после 1954 года, когда выпустился их 10 «А» класс из средней школы №1. И 1 сентября 1963 года в эту же школу поступлю учиться и я – в 1 «А» класс. И эти годы учёбы всю жизнь буду вспоминать, как самые счастливые и радостные. Я считаю, что мне очень повезло со школой и учителями!

Но об этом я расскажу позже. А пока мне хочется рассказать о своём родном доме и нашем замечательном дружном дворе, в котором я росла в Калачинске все свои школьные годы.

Глава 3. Соседи

*Стою на улице Заводской на фоне своего дома, в котором жила наша семья с 1962 по 1974 годы. Калачинск, 2000.
(Позже эти дома снесли).*

«Под крышей дома моего»

От экспедиции (видимо, отец там тогда работал) они получили с мамой двухкомнатную квартиру в построенном для этой организации доме, похожем на *карточный*: его строили временно – на 5 лет. Стены дома внутри комнат были

из какого-то толстого картона, между двойных стенок лежал шлак (если случайно пробивалась дырка, то это было видно), а снаружи дом был обит кирпичного цвета большими шиферными плитками.

Посиделки на лавочке у подъезда соседнего дома.

Слева направо: Галя Вервейко, Люда и тётя Зоя Мерчанские, тётя Вера Данилова. 1966

Тётя Машиа Попова (у неё в квартире дети нашего дво-

ра всегда смотрели телевизор один на весь двор) и моя мама. 1966

Кстати, этот «временный» дом стоял и вначале ХХI века, и его жильцам, наверно, пришлось отметить его 50-летие! Так что, верна в нашей стране поговорка: «Ничего не бывает более постоянного, чем временное». Сам этот двухэтажный восьмиквартирный дом находился на улице Заводской, у бывшей остановки автобуса. А сбоку дома проходит небольшая улочка – *имени Кирова*, по которой он и числился под номером «94».

Наша *квартира №2* была в первом подъезде, на первом этаже этого дома. В зале и на кухне были печки для обогрева (центрального отопления тогда не было). При входе был небольшой коридорчик. Справа – кухня. Слева – зал, за ним – смежная спальня, а в конце коридорчика, справа – умывальня. Остальные удобства были на улице – в общем деревянном туалете. Зал был свободный, в нём стояли диван, стол и телевизор, а в спальне – две кровати и письменный стол у окна (массивный, двухтумбовый, списанный в какой-то организации, но это было немыслимым счастьем для меня в те времена!) Над моей кроватью висел небольшой *коврик*: вышитый яркими цветными нитками мулине крестиком лыжник на тёмно-синем фоне, съезжающий с горы на лыжах, а впереди него бежал заяц, вдали стояли ёлочки

среди снега. Это произведение мамы осталось в памяти, как символ моего детства: я очень его любила и всегда рассматривала, лёжа в кровати, перед сном.

Телевизор в нашей семье появился не сразу. Сначала был один-единственный чёрно-белый телевизор с небольшим экраном – на весь двор! Он находился в соседнем доме, в первом подъезде на втором этаже, в семье Поповых. У них росла дочка Наташа, чуть младше меня, с которой мы дружили в младших классах. Её мама, тётя Маша, была спокойной, доброй женщиной, никогда не выгоняла ватагу ребятнишек, пришедших смотреть детскую передачу. А мы были рады-радешеньки, сидя на полу, притихшие, смотреть на любимую *тётю Вало* (Леонтьеву), или учить вместе с игрушками слова английского языка. С удовольствием смотрели и детские фильмы 60-х годов. Конечно, мы в душе слегка завидовали обладателям телевизора, и мечтали, чтобы у нас дома он тоже когда-нибудь появился.

Люди жили в те времена бедненько, но дружно и весело. Весь наш подъезд был почти единой семьёй. Казалось, что взрослые все вместе, коллективно, воспитывали своих детей. Почти всегда мы встречали добрые, улыбающиеся глаза соседа, готовых всегда накормить и обогреть, если родителей нет дома.

Люда Мерчанская во дворе нашего дома. 1972

Вова Мерчанский с моим братом Ромой Вerveйко. 1970

У дверей нашего подъезда мои родители с Титоровым Виталиком и братом Ромой. 1 сентября 1972 года.

Самой близкой нам семьёй были Мерчанские. Они жили в квартире №3 на втором этаже, в двух комнатах. А ещё в од-

ной жили бездетные супруги (тётя моего одноклассника Гены Антонюка со своим мужем), как тогда говорили, *на подселении*. Тётя Зоя Мерчанская, добрая, полноватая женщина, была очень эмоциональной. Её муж, дядя Саша, был большим человеком и часто лежал в больнице. Так и пришлось ей его похоронить, оставшись вдовой, и воспитывать сына Вову и дочь Люду одной. За своих детей она «вставала грудью», если кто-то осмеливался их обидеть, особенно заступалась за младшую – Людмилку. А она, чувствуя это, частенько ябедничала на нас, когда была маленькой. (А позднее, в школьные годы, мы с ней очень подружились). Тётя Зоя выбегала из подъезда, кричала на обидчиков, угрожала. Но очень быстро отходила, всё забывала, улыбаясь, и звала нас к себе кушать. Работала она техничкой в заводской конторе на нашей же улице, за стадионом мехзавода. Тётя Зоя очень любила мою бабушку – Прасковью Андреевну, называя её «нашей мамочкой» (то есть, всего подъезда).

А над нами, в четвёртой квартире, жила тётя Катя Киюта. Работала она учительницей литературы в школе рабочей молодёжи. У неё были маленький сын и муж, дядя Володя, которым она обычно руководила. Внешность у него была приятная, интеллигентная, он был спокойным, никогда не буянил, но иногда приходил домой нетрезвым. Тётя Катя его в такие дни «воспитывала» и проклинала семейную жизнь, завидуя своей незамужней сестре. Меня она любила и наставляла на путь истинный (причём, очень неорди-

нарно!) Называла умницей и любовалась моими «ножками и хорошенькой фигуркой», говоря, что скоро все парни будут моими. Правда, мне её комплименты были в то время не понятны, так как я об этом ещё и не помышляла, чтобы кому-то нравиться всерьёз. Как говорится, была ещё *зелёной* для этого. А когда я с подружками в отсутствие родителей устраивала в квартире *погром* (мы начинали шумно играть, например, в прятки), то тётя Катя прибегала и давала нам нагоняй! Ещё она всегда хвалила нашу учительницу танцев в Доме пионеров – Раису Тимофеевну, называя её умницей и красавицей, говорила, что она всё умеет делать: «не баба, а просто – клад». Когда их семья уехала, то в эту квартиру переехали Мерчанские.

Внизу – напротив нас, жили Титоровы. Дядя Юра тоже бывало выпивал. Он был юмористом. Однажды снял сушившееся на верёвке женское платье и гулял в нём по двору. А как-то раз забрался на дерево на уровне второго этажа и ловил летящие из окна блины, которые пекла соседка тётя Зоя. Его жена тётя Маша была спокойной, улыбчивой, похожа внешне на цыганку. И их дети – Тоня и Виталик – были вылитые «цыганята» с красивыми чёрными глазками и курчавыми тёмными волосами (особенно – у Виталика).

Выпивки мужей были распространённым явлением, так что во дворе по вечерам, обычно в дни аванса и получки, в середине и конце месяца, слышались ругань, плач женщин и маты мужчин... (Иногда приходил *навеселе* и наш отец).

Титорова Тоня и Бочкарёва Ира у нашего дома. 1972

За стенкой с нами, в соседнем подъезде, тоже на первом этаже, жила семья Бочкарёвых. Анфиса Михайловна рано осталась вдовой с тремя детьми. Молодой и красивый, со светлыми выющимися волосами, её муж Андрей Бочкарёв, умер, как говорили, от того, что он надорвался, подняв что-то тяжёлое. Тётя Физа была весёлого нрава, очень жизнерадостная. Все вокруг сокрушались, как же она будет одна воспитывать троих детей? Старшая – дочь Леночка, была очень похожа на отца – кудрявая, вторая – Иринка, была с пря-

мыми светлыми волосами, и мы с ней чем-то были похожи. Нас, в шутку, звали во дворе «сестрёнками». Ирочка была очень слабенькой по здоровью и частенько лежала в больнице, а мы, её дворовые подружки, приходили к ней почти каждый день, чтобы развеять там её грустные мысли (она считала, что ей мало осталось жить). Но, несмотря на это, характер у неё был весёлый и общительный. Третий был Андрейка, видимо, названный в честь отца. Дети были очень самостоятельными, особенно – старшие. Анфиса Михайловна, по-моему, работала заведующей детским садом. Вскоре она вышла замуж за Истомина Виктора. Это был спокойный, работающий мужчина, который нормально относился ко всем её детям. Вскоре в их семье родилась маленькая Лариса, похожая на папу – с чёрными глазками и волосами, совсем не похожая на Бочкарёвых. Но муж и жена в новой семье были очень разными по характеру и интересам, поэтому через несколько лет разошлись.

Бочкарёвы переехали в центр города: стали жить недалеко от горсада. Там у них появился новый «папа», которого старшие дети, шутя, называли «дяденька с ковриком». А всё потому, что, придя к ним жить, он принёс с собой ковёр. Затем он уходил не один раз, и каждый раз уносил с собой ковёр, а потом приносил его вновь.

Мы продолжали общаться с бывшими соседями и тогда, когда кто-то уезжал со двора на другую улицу или в другой город.

Лена Бочкарёва. Фото на документ. 1972

Две "сестрёнки": мы с Ирой Бочкарёвой. 1972

«А у нас во дворе...»

В нашем дворе со стороны улицы Кирова я с гостями из Омска – Рублевскими дядей Петей и его дочкой Надей. 1962

Квартиры мы не оставляли открытыми, как бывало в те времена в своих домах (там иногда дверь запирали на палочку, обозначив, что хозяев нет дома), но ключи все стабильно «прятали» под половичок у двери или на перекладину над дверью: бери и открывай! Во-первых, всё было на виду у соседей, ведь все друг друга хорошо знали и сразу виде-

ли незнакомых людей, настораживались (кто-нибудь да был во дворе), а во-вторых, многие считали, что у них и красть-то нечего. Боялись только цыган. Баба Пана, жившая в то время уже с нашей семьёй, частенько пугала ребятишек, если они не слушались: «Вот придут цыгане и заберут вас!» Они иногда ходили по домам с мешками и собирали у людей подаяние: хлеб, вещи. Могли и обворовать по пути, были случаи даже кражи детей. Поэтому нам, детям, строго-настрого наказывалось не открывать им двери. Ни о маньяках, ни об убийцах или ворах мы в те времена не слышали. Люди жили открыто, делились друг с другом, чем могли. Иногда ругались, но вскоре мирились и снова общались, как родственники, имея только всё самое необходимое для жизни, не зная никакой роскоши. А если было кому-то особенно трудно, то тут же приходили на помощь. Общение было очень искренним и тёплым.

В быту особых условий не было. Даже в квартирах приходилось топить печки, принося уголь и дрова *из сарайки*. Воду носили в вёдрах на коромысле из колонки, которая находилась через дорогу: на углу улиц Заводской и Ленина, у края «чапаевского сада». Почему его так называли – не знаю. Только помню, что по нему ходил и где-то там жил, рядом с садом, один мужчина – инвалид с култышками на руках, которые, как говорили люди, он отморозил зимой, и их ампутировали. Его все взрослые звали Чапай. А сад этот посадили на субботнике. И он смотрелся позже почти как естествен-

ный лесок с полянками.

Зимой во дворе дома, напротив нашего подъезда, взрослые делали из снега горку и заливали её водой. Мы катались на дощечках и санках. Ещё очень любили с девочками, научившись ещё в детском саду, сами делать разноцветные льдинки разных форм, замораживая на морозе подкрашенную красками воду: круглые, треугольные, в виде звёздочек. И развешивали их на деревья, украшая двор. Особенно – перед Новым годом. Во дворе мы чувствовали себя полными хозяевами. Иногда летом взрослые отдавали в наше распоряжение сарай: в это время там угля и дров обычно не было. Вова Мерчанский, например, устраивал в своём – «зоопарк». Он очень любил разных животных. У него там жили то какой-то орёл, то кролики, то собака. А мы дружно помогали ему их кормить.

В соседнем дворе (там тоже стоял такой же экспедиторский дом) у Славы и Тома Пигулевских, в сарае, находился «тимуровский штаб». Там были какие-то сигнальные сооружения, для нас выписывались *военные билеты*. И мы входили туда, как разведчики, сказав свой пароль. А ещё я частенько была у них в гостях в квартире, мы с Томой дружили. И мы с Пикулькой (как мы все звали маленького роста подружку) всегда находили себе интересное занятие, так как обе были большими фантазёрками. А иногда бросались подушками в её старшего брата Славку! Когда я училась в 6-ом классе, они переехали в город Тольятти, и мы все школь-

ные годы переписывались с моей любимой подружкой детства. Однажды Тамара со Славой приезжали на летних каникулах в родной Калачинск, когда уже все из нашей компании детства были старшеклассниками.

Тома Пигулевская – любимая подружка из соседнего двора. Листок из моего фотоальбома

ПЕ- РЕ- ПИС- КА

Переписка Тольятти-Калачинск (несколько лет)

У нашего подъезда (слева направо) Губина Таня, Вервейко Галя и Мерчанская Люда. Калачинск, 1972

В своём подъезде мы с девчонками любили сами убирать-ся, мыть пол. Иногда развешивали по стенам свои рисунки или выпускали стенгазеты. Во дворе у нас были небольшие общие огородики с несколькими грядками на семью. Мы, нехотя, ходили полоть туда траву на грядках по приказу взрослых. Зато с удовольствием поливали их из леек или шланга и снимали с грядок первый урожай. Иногда хулиганили по вечерам, когда темнело: залезали в чужие огороды

и срывали круглые головки подсолнухов, которые пригляды-
вали ещё днём (чтобы были спелыми!)

Из соседнего, точно такого же дома, стоящего во дворе
буквой «Г» с нашим, мы дружили с Отиной Надей, Поповой
Наташей из первого подъезда, с Кузнецовым Сашей (моим
одноклассником) и с Губиными Таней и Сашей – из второ-
го. Эти брат с сестрой были красивыми черноволосыми ре-
бятами. Их папа всегда с восхищением смотрел на мою маму
и делал ей комплименты, какая она красивая. Позже, когда
я подросла, то комплименты стали доставаться и мне, «по-
хожей на красавицу». Сашка частенько улыбался мне своей
красивой улыбкой и однажды подарил свою школьную фото-
графию *на долгую память*. Он учился, как и все ребята на-
шего двора, в школе №1, только в классе на год старше меня.

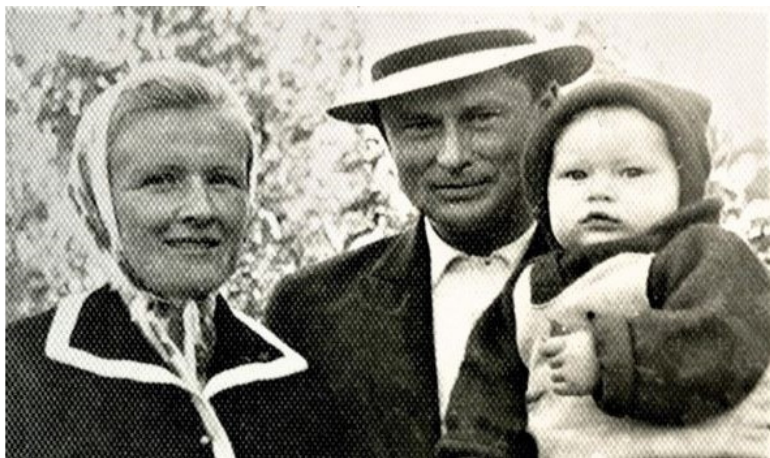
Мы с ребятами нашего двора были дружными, и иногда
ходили всей толпой в рощу или на речку Омь. В роще было
много сине-фиолетовых цветов — *кукушкиных слёзок*, кото-
рые мы собирали по пути в букеты своим мамам. Дома ста-
вили полевые цветы в вазочки. В роще было слышно, как ку-
куют кукушки, и мы загадывали: сколько нам осталось жить?
Хоть было страшно: а вдруг, кукушка неожиданно за-
молчит? На речку мы частенько убегали тайно, так как ро-
дители очень волновались: летом было немало случаев, ко-
гда дети тонули в реке. Только самим детям казалось, что
этого с ними никогда не случится. Осенью мы любили бе-
гать в питомник и там рвать с диких яблонь маленькие, мяг-

кие от первых ночных заморозков, сладко-кислые ранетки – дички. Казалось, что ничего не может быть вкуснее! Просто не могли оторваться от этого лакомства. А летом наши родители ходили собирать в питомник ягоды – малину, чёрную смородину – на варенье, заплатив определённую небольшую цену за каждый собранный килограмм.

Ребята нашего двора: стоят Саша Кузнецов и Вова Мерчанский, сидят Саша Губин и Саша Семёнушкин (жил недалеко). 1972

Глава 4.Рождение брата

Мои родители с братом Ромашкой. Калачинск, 1965

В этом доме, на улице Кирова, №94, в декабре 1964 года, 10-го числа, родился мой братик Рома. И закончилась моя беззаботная жизнь! Ведь я стала старшим ребёнком в семье. Мне в то время было восемь с половиной лет. Начались бессонные ночи: он часто плакал по ночам. В комнате частенько включалась настольная лампа. Мы всей семьёй спали в одной спальне, а бабушка – в зале на диване. Отец в таких условиях писал контрольные работы, заочно учась в сельскохозяйственном институте. Приходилось, не выспавшись, ид-

ти утром в школу: я училась тогда во втором классе. А когда братишка подрос, то мне частенько перепало быть его нянькой и забирать вечером из детского сада.

Мама, Рома и Галя. Калачинск, 1966

Сестрёнка Ира и братик Рома Вервейко. Калачинск, 1966

Разделение семьи

Отец наш, заканчивая последний курс сельскохозяйствен-

ного института по специальности *экономист*, должен был работать в селе, по своей специальности, в каком-нибудь совхозе. Братику моему было годика два или три, когда наша семья переехала жить в *Сергеевку*. Отец получил в совхозе полублагоустроенную двухкомнатную квартиру (тогда молодым специалистам в селе их давали сразу) с отоплением и холодной водой. Бабушка, Прасковья Андреевна, поехала тоже, чтобы помогать водиться с внуком. Наша калачинская квартира опустела. А меня, чтобы не переводить в другую школу, решено было оставить жить во время учёбы у бабушки и дедушки Вервейко, на *улице Вокзальной в Калачинске*.

У дедушки и бабушки в Калачинске

Мне было очень плохо, сиротливо без родителей: приходиться в гости, это — одно, а жить постоянно без них — другое. Я очень скучала и неуютно себя чувствовала под сердитыми взглядами бабушки — Марии Алексеевны. Понятно: ведь они теперь с дедом несли ответственность за меня. А я подолгу не хотела уходить из школы, оставалась там после уроков, то, выпуская стенгазеты, то, посещая какие-нибудь кружки по разным предметам, то, помогая учителям и вожакам готовить какие-нибудь мероприятия. В общем, стала очень *общественным* ребёнком, за что родители мои получали в конце учебного года благодарности за воспитание *исключительно* активного ребёнка. И чем позже я возвраща-

лась, тем не довольнее была бабушка, всегда в чём-то подзревавшая меня.

Спасала любовь ко мне деда. Он с удовольствием помогал мне делать уроки, сочинял со мной заметки в газеты, а по вечерам читал нам с бабушкой вслух книгу «Тени исчезают в полдень» (мы теперь жили в их доме втроём). Она пряла на прялке пряжу или вязала что-нибудь из неё: чаще – шерстяные носки или варежки для детей или внуков. Топилась печь, около которой, свернувшись калачиком, располагался серый полосатый кот Васька. А за окном, зимой, завывала метель... И от этого в доме становилось ещё уютнее – в тепле.

Я любила, когда дедушка в комнате доставал из комода верхний шкафчик. Там хранились семейные драгоценности: письма, открытки. Он начинал читать вслух, что пишут дети о своей жизни, а затем показывал мне семейный фотоальбом, как доказательство написанного в письмах. В семье очень любили фотографироваться: и семейно, и по одному. Он всегда внимательно следил за судьбой каждого своего ребёнка и внука, гордясь их успехами и переживая за их неудачи. От этого и их с бабушкой жизнь не была одинокой в надвигающейся старости. Они чувствовали, что дети не забывают их вдалеке от родного дома.

В Сергеевке у родителей

На каникулах я уезжала с отцом в деревню: он приезжал на казённой легковой машине и забирал меня. Там было хорошо. Прекрасно чувствовалось на природе каждое время года. Летом мы ходили гулять с бабой Паной и братиком в берёзовую рощу, посадив его в сидячую коляску (идти туда было далековато от дома). Над рощей каркали вороны. Рома смотрел на них удивлённо, показывая рукой и повторяя за ними: «Кал-л, кал-л». Романок, как тогда его все звали, начинал разговаривать, и это получалось у него очень смешно. А когда мы подъезжали к роще, он очень выразительно нараспев сообщал: «Это на-зы-ва-ет-ся пти-тий го-ло-док (птичий городок)!» Во дворе, в Калачинске, его тискал весь двор, когда он там появлялся, он был такой хорошенький, слегка пухленький — всеобщий любимец.

Мой братик Рома с бабушкой Паной (слева) в компании соседей из Сергеевки. 1966

В выходные я ходила с отцом на работу в его кабинет конторы совхоза. Там стояла металлическая счётная машинка, на которой с жужжанием интересно было считать: вжик, вжик, вжик... А папка в это время закапывался в свои деловые бумаги и отчёты.

А бабушке моей – Прасковье Андреевне, когда она уходила на пенсию, подарили старинную чёрную пишущую машинку. Она стояла у нас дома, на столе, и бабуля учила меня печатать на ней. Но маме она почему-то мешала: в один

прекрасный день она унесла её в какую-то организацию, сказав мне:

– Ну, зачем она тебе? Так, поиграть?

И мне было очень обидно: вот так просто потерять свою мечту, потому что в душе я всегда была «писательницей». Правда, никто, кроме деда, не воспринимал это моё увлечение всерьёз.

Однажды я с кем-то из соседских девчонок ходила в клуб. Но мне показалось, что там пусто и скучно. Днём парни играли в настольный теннис и бильярд, а по вечерам молодёжь собиралась на танцы. Но меня это мало ещё интересовало в том возрасте.

В это время у меня серьёзно заболела мама. Она быстро худела, теряла силы, но врачи никак не могли поставить ей правильный диагноз. И бабушка частенько плакала на улице и говорила, что, наверно, нам с Романом придётся расти сиротами... Отец тоже переживал, однажды даже зарыдал, когда мы остались с ним вдвоём в калачинской квартире. Маме часто вызывали «скорую помощь», она лечилась в калачинской больнице, потом – в Омске. Вернулась она поправившаяся, посвежевшая. Но я за её долгое отсутствие – месяца четыре – отвыкла от неё, и как бы привыкала заново.

Когда отец получил диплом и ромбик (значки тогда такие выдавали всем выпускникам вузов) о высшем образовании, родители снова вернулись в *Калачинск*. Папа стал работать в инспекции Госстраха, сначала – инспектором, а потом –

начальником. Мама вернулась работать в кинопрокат.

Глава 5. Детство. Вторая половина 60-х

«Дети кино»

Мама работает в кинопрокате составителем программ. Калачинск, 1971. Фото из газеты "Сибиряк"

Однажды фотографию мамы за работой в кинопрокате на-

печатали в газете «Сибиряк», а рядом было несколько строк об её передовом труде. Она тогда уже работала составителем программ выхода фильмов на экраны кинотеатров Калачинского и близлежащих районов Омской области.

Коллектив Калачинского кинопроката. В центре в светлом костюме директор – Э.Д Выйганд. 1960-е

В коллективе у них все очень уважали и любили своего директора – Эрну Даниловну Выйганд. Вспоминая о ней, мама всегда говорила: «Добрый она человек! Дай Бог, ей здоровья». Она очень дорожила всеми своими работниками и старалась помочь людям в трудные минуты жизни. И коллектив кинопроката был дружным и сплочённым, весёлым. Я

помню, как мама и её подруга тётя Нина Долгополова, когда проверяли киноплёнки, то любили петь дуэтом. И это у них очень хорошо получалось. А вокруг них были улыбающиеся лица других работников кинопроката, которые их с удовольствием слушали.

Мама приносила с работы всякую рекламу: фотографии кадров из известных фильмов со знаменитыми артистами, афиши (плакаты). И мы с девчонками у нас дома играли «в кинотеатр», развешивая их в комнате. Рисовали билеты и устраивали «киносеансы», изображая зрителей на стульях и артистов – перед ними.

РСФСР Министерство культуры Главное управление кинофикации и кинопроката <i>Омская</i> контора по прокату кинофильмов Место исполн. личная подпись Выдано <i>10.08.1983</i> 1983 г.		Квалификационное удостоверение № <i>16</i> Выдано гр. <i>Дербяко О.А.</i> в том, что ему постановлением Государственной квалификационной комиссии при конторе по прокату кинофильмов от <i>15.08.1983</i> присвоена квалификация <i>Финансово- вершник второй кассы</i> Протокол № <i>12</i> Председатель ГKK <i>Берин</i> Секретарь ГKK <i>Берин</i> 1754—3300
--	---	---

Удостоверение фильмопроверщицы

Вот так работали фильмопроверицы в нашем кинопрокате. 1960-е

Нина Сергеевна Долгополова – передовик труда и лучшая мамина подруга. Калачинский кинопрокат, 1960-е.

По пятницам в кинопрокате были просмотровые дни. Все новые кинокартины, которые приходили в Калачинск, проверялись на качество после работы фильмопроверщиц (как были склеены повредившееся в плёнке кадры). И все дети семейств работниц, а иногда и мужья, приходили их посмотреть. Это был радостный – праздничный день для нас. Там мы познакомились однажды с красивым чёрненьким пареньком небольшого роста Колей Бухаровым. Мы с ним учились в параллельных классах в средней школе №1. Там же училась и симпатичная, с пухлыми губками и кудрявыми светлыми волосами Долгополова Таня, только – на год младше.

Её и мои родители дружили семьями. Долгополовы жили в районе ДОСААФ, на улице Ленина. В доме на четырёх хозяев. Мы часто ходили к ним в гости. Взрослые играли в лото или – карты, причём чаще не в «дурака» – самую распространённую в те времена игру. Тётя Нина и дядя Ваня Долгополовы знали разные игры, умели раскладывать пасьянс. У Тани была старшая сестра Ольга, которая была для меня идеалом красоты – стройная блондинка. Она, став взрослой, вышла замуж за хоккеиста – Попирайко. И на свадебной фотографии была в красивом белом мини-платьице с коротенькой фатой. С Таней мы часто играли одни дома, иногда приходила играть с нами их соседка – Лариса Кириченко, которая училась со мной в параллельном – «б» классе.

И семейно, и с друзьями мы очень любили ходить в кино в *клуб мехзавода* или *кинотеатр «Юбилейный»*, построенный позже. Атмосфера зрительного зала была особенной: люди все вместе переживали судьбы героев – бросали реплики, плакали или смеялись. На хорошие фильмы ходили по несколько раз, всё переживая заново. Особенно много людей в зале было на кинокомедиях, таких, как «Трембита», «Свадьба в Малиновке», «Бриллиантовая рука» и других. Очень нравились в те времена красивые индийские фильмы со «сказочными» историями любви, красивыми актёрами, индийской природой, нарядами, песнями и танцами. Они обычно были двухсерийными.

Таня Долгополова – моя подруга детства. Начало 1970-х.

В 2011 году мы с Таней встретились в Омске. (Через 40 лет нашли в «Одноклассниках»!)

Друзья детства Вервейко Галя, Бухаров Коля и Кнырикова Таня. Калачинск, 2014

Вспоминая двухэтажное здание клуба мехзавода, почему-то хорошо запомнилась комната, где мужчины играли в бильярд. Нам, детям, было очень интересно смотреть, как белые шары закатывались в сетки по углам стола, покрытого драповой зелёной тканью.

Увидев у своей тёти Нади фотоальбом с фотографиями-открытками артистов, я решила завести себе такой же. Но она, уже вышедшая из школьного возраста, подарила мне – свой. Я была безмерно рада! Особенно мне нравились портреты молодых Людмилы Гурченко из «Карнаваль-

ной ночи», Владимира Коренева («Человек-амфибия») и балерины Галины Улановой из Большого театра СССР. Мы с девчонками стали покупать в киосках открытки с артистами и меняться друг с другом. Высылали их своим друзьям по почте в другие города и сёла.

На фоне кинотеатра "Юбилейный". Калачинск, 1972

Вот что, например, мне писала подружка Пигулевская Тома из города Тольятти: *«Здравствуй, моя милая Галка! Спасибо тебе за твоё письмо и за всё, что ты мне выслала в нём. Особенно – спасибо за артистку Тамару Логинову, у меня её фото как раз не было. Галя, открыток с Татьяной Дорониной и Людмилой Чурсиной нет у нас в магазинах, но как только появятся, то я обязательно куплю их тебе и вышлю. Сейчас я высылаю тебе фотки артистов Натальи Кустинской и Юрия Никулина. Они у меня были двойные, и я их высылаю. Галя, если у тебя есть двойные артисты, то, пожалуйста, вышли их мне, а я тоже буду высылать тебе»*. Двойные – значит, в двух экземплярах.

Стихи, песни, гадалки и пожелания

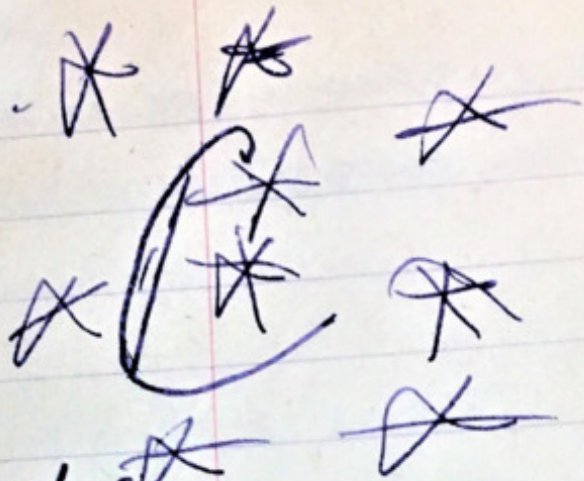
У каждой из нас были свои *песенники* в общих тетрадях с известными песнями (словами) и стихами. Очень популярны были в то время стихи Эдуарда Асадова. Были в этих общих тетрадках и *гадалки*. Мы рисовали палочки, потом считали их, и на эту цифру смотрели «что нас ждёт», читая.

Ещё любили, сделав из простых школьных тетрадок вертикальные блокнотики с завёрнутыми внутрь листами, писать новогодние пожелания, чтобы открыть их в таинственное время – 12 часов ночи, под бой курантов...

Вот так мы сгибали тетрадки и писали
пожелания на развёрнутых листах

В одну такую новогоднюю ночь мне было не до пожеланий... Так как именно 31 декабря у меня вдруг заныл зуб. И я решила успеть его вылечить в заводском стоматологическом кабинете, придя перед самым его закрытием. Врач, естественно, торопилась домой, чтобы готовить новогодний ужин. Натолкала мне в зуб мышьяка и отправила восвояси, даже не предупредив, что его нужно убрать, если будет сильно болеть. Родители мои ушли с Ромой к родственникам, бабушка куда-то тоже, видимо, к своим, а я осталась дома смотреть телевизор. Но по мере того, как приближалось время традиционного «Голубого огонька», у меня нарастала зубная боль! Поднялась температура, зашкаливая за 40 градусов! Пришлось ещё сутки или двое терпеть издержки такого «лечения», так как в праздничные дни врачи не работали... После праздника я уже была под собственным «наркозом», и в другой поликлинике (туда я уже идти боялась!) мы с мамой умоляли врача удалить этот злосчастный зуб. Вскоре я вновь ожила и стала радоваться жизни.

Говори

вага!

Тирине
31 декабря

11⁵⁹ утра.

И мы ведь старались читать именно в это время под ёлкой! Это было так загадочно!

Танка!!!

Поздравляю тебе
может быть с самым
важным днем твоей
Новой Жизни.

Желаю тебе отмен-
но сдать выпускные
экзамены.

Будь всегда веселой
и жизнерадостной,
весело проводи летний
год.

Не стану желать то-
бе встретить шам-
пика, это мне уже
порядком надоело.

Ну слава всего
лучшего!!!
Танто

А вот и само не менее загадочное пожелание!

Когда новогодние праздники заканчивались, после зимних каникул, мы убирали ёлку, (а чаще – сосну), из дома. Мне очень нравилось снимать с неё ёлочные украшения, игрушки. Я внимательно их рассматривала, любовалась, считала, сколько одинаковых игрушек, и записывала это в тетрадку. Много было различных стеклянных шаров, сосулек, домиков, бус. Оригинальными были в нашем доме – мальчик «Новый год-59» и очень большие, ярко раскрашенные, стеклянные часы со стрелками у цифры «12». А ещё были игрушки из прессованной разноцветной (раскрашенной) ваты – снеговики, домики, разные фрукты и ягоды.

К этим новогодним впечатлениям детства хочется ещё добавить, что в советское время родители всегда приносили своим детям из организаций, в которых работали, профсоюзные подарки. И мы их с нетерпением ждали, так как в магазинах они не продавались. В прозрачных кулках были конфеты разных сортов, шоколадки и мандарины. Для нас, сибирских ребятишек, мандарины были большой редкостью (их тогда привозили из Москвы или Ленинграда). И мандариновый запах ассоциировался именно с Новым годом вместе с запахом хвои от лесной ёлки или сосны (искусственных в те времена я не помню).

Люди с золотым сердцем

Мне хочется после неудачного похода к стоматологу перед Новым годом рассказать и о тех медиках, которые были для всех нас олицетворением этой прекрасной профессии. Врачей в Калачинске в те годы было не так много, и все они были на виду. Некоторых знали почти все калачинцы. Это были врачи от Бога.

Работала в Калачинской райбольнице замечательная красивая пара – Филатовы Александра Тарасовна и Георгий Васильевич. Они познакомились в Омском мединституте и потом много лет лечили своих земляков. Очень хорошие были люди и замечательные специалисты.

Чета Филатовых в День медработников. Калачинск, 1971

У Георгия Васильевича был студенческий друг Картавцев Леонид Тихонович. Они вместе учились на санитарном факультете Омского мединститута. Леонид Тихонович был инфекционистом. Он не только вылечил, но и спас многих лю-

дей в Калачинске, среди которых были и дети. Жена его, Картавцева Валентина Арсентьевна, тоже была врачом. Работала бактериологом в Калачинской санэпидемстанции.

Георгия Васильевича Филатова все помнят, как прекрасного рентгенолога (он прошёл переквалификацию), очень любящего свою работу: до конца своих дней он был предан ей. Работал Георгий Васильевич и в поликлинике, и в стационаре Калачинской райбольницы.

Семья Филатовых. Калачинск, 1960-е

Александра Тарасовна Филатова – педиатр. Калачинск, 1960-е.

Александрю Тарасовну Филатову – педиатра, обожали

не только дети, но и их родители. Это была очень добрая, красивая и обаятельная женщина с лучезарной улыбкой. Неравнодушная, всегда переживающая за каждого своего маленького пациента. Она запомнилась многим, как замечательный доктор и светлый жизнерадостный человек. Даже голос её многие помнят спустя десятилетия...

У этой пары врачей росла замечательная дочка Ирина. И она вспоминает своих родителей, как очень преданных своей профессии. Они и дома часто обсуждали здоровье своих пациентов, особенно тяжёлые случаи, и давали советы друг другу, как лучше помочь людям.

Заметка в газете «Сибиряк» 18 ноября 1976 года

Два замечательных врача-педиатра учились и работали вместе. Данилова Н.П. и Филатова А.Т. Калачинск, 1970-е

Ещё одним педиатром, которая всю жизнь работала вместе с Александрой Тарасовной Филатовой, была Данилова Нина Петровна. С ней они тоже дружили с институтской скамьи и жили когда-то в одной комнате студенческого общежития, а потом всю свою трудовую жизнь прошли рядом. Нина Петровна всегда была спокойной и уравновешенной, готовой прийти на помощь в любой болезни ребёнка.

Известным в Калачинске был и муж моей первой учительницы – Карбин Александр Степанович, дерматолог. О нём наша Клавдия Ивановна всегда рассказывала своим учени-

кам с уважением. И искренне считала, что лучшие профессии на Земле – Учитель и Врач.

Карбин Александр Степанович. Калачинск, 1960-е

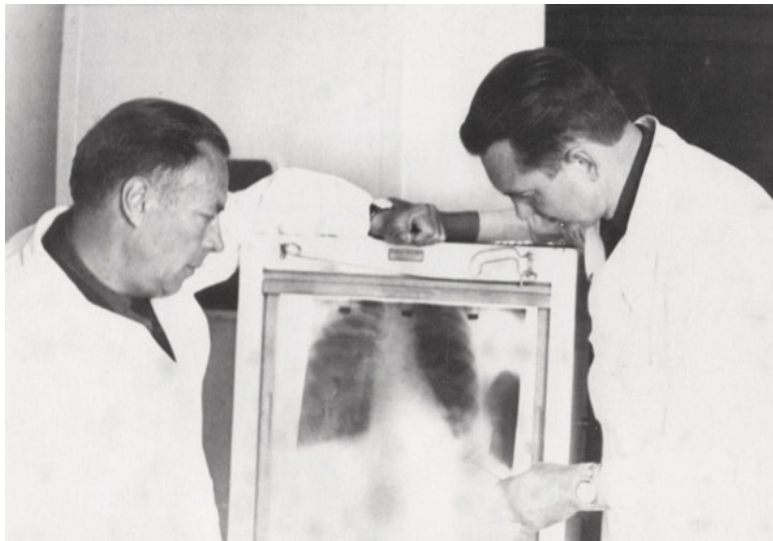
Уважаемыми врачами были и чета Любчик (родители моего одноклассника Саши Любчика). Его папа, Сергей Николаевич, был рентгенологом, а мама – фтизиатром. По их стопам пошли потом и сыновья, поступив учиться после школы в Омский медицинский институт. Евдокия Карповна Любчик лечила всю нашу семью (я во младенчестве болела несколько раз воспалением лёгких, а бабушка с мамой – туберкулёзом).

Замечательной медсестрой была Вера Николаевна Орлянская – мама моей школьной подруги Люды Орлянской. Очень красивая, высокая, всегда приветливая, она рано потеряла мужа и стала вдовой, вырастив одна троих детей. Вера Николаевна всегда была спокойной, улыбающейся, доброжелательной.

Это было золотое время, когда медработники в нашей стране лечили своих пациентов бескорыстно – бесплатно, и работали, в основном, по своему высокому призванию. А зарплату и отдых в санаториях им обеспечивало государство. И люди их бесконечно уважали за труд, терпение и доброе отношение к ним. Многих врачей и медсестёр наши калачинцы вспоминают с большой благодарностью и помнят всю свою жизнь.

*Медработники: педиатр Михайлова, медсестра Ор-
лянская, педиатр Филатова и медсестра Кривошапко*

Рентгенологи Любчик С. Н. и Филатов Г. М.

В детском отделении Калачинской больницы врач Филатова А. Т. и медсестра Барановская

Врачи Картавцевы Леонид Тихонович и Валентина Арсентьевна

*Жизнерадостный персонал Калачинской
больницы. 1960-70-е годы*

*Калачинские медики на демонстрации 7 ноября. 1970-е го-
ды*

Эмблема любимого жителями Омской области коллектива, который родился в 1950 году

Встречи с артистами

В клубе мехзавода и Доме культуры показывали не только фильмы, но и концерты, спектакли приезжих артистов (ча-

ще – из Омска). И мы всей семьёй любили ходить на них. Частенько в Калачинск приезжал выступать Омский русский народный хор, где очень хорошо пели солисты – запевалы Леонид Шароха и Владимир Мартынов. Зажигательно исполняли артисты танцевальной группы сибирские танцы с Медведем, или под песню о сибирских пельменях. Балетмейстером хора был Яков Коломейский, но танцы ставили и московские балетмейстеры – Татьяна Устинова, Надежда Надеждина и другие.

Частушки исполняет солист Омского хора Леонид Шарова. 1960-е

Я помню, как в нашей средней школе №1 в большом фойе, которое являлось одновременно и актовым залом со сценой, выступал целый симфонический оркестр Омской областной филармонии. Нас, учеников, специально снимали с уроков,

чтобы мы слушали классическую музыку вместе со своими учителями.

Приезжали к нам в Калачинск и артисты со спектаклями ТЮЗа, драматического и кукольного театров. Иногда в организациях устраивали семейные выезды на автобусе в театры и цирк города Омска. А в Омский драмтеатр летом часто приезжал московский театр имени Вахтангова, который когда-то был эвакуирован в Омск в годы Великой Отечественной войны. Самым любимым артистом у зрителей-сибиряков был наш земляк *из Омской области Тарского района села Бергамак* – всем известный в СССР Михаил Ульянов. Он работал в вахтанговском театре, а позже стал руководить им. А также он снимался во многих советских фильмах.

Нашего земляка Михаила Ульянова, Народного артиста СССР, знала вся страна!

И сами – артисты!

Любили и дети, и взрослые ходить на смотры художественной самодеятельности школьников города. В школы взрослые ходили посмотреть на своих талантливых детей, а в ДК – на лучшие номера, которые отбирались на заключительный концерт. На этих смотрах малыши общались

со старшеклассниками, узнавали друг друга, было очень интересно.

В нашей средней школе №1 был огромный хор учеников. Репетиции с нами проводил сам директор – Михаил Антонович Фурманчук. И казалось, что у нас вся школа пела!

С полным аншлагом проходили в Доме культуры отчётные концерты городского Дома пионеров, где *в 1964 году* появился вокально-хореографический ансамбль «Юность» под руководством Раисы Тимофеевны и Валентина Анатольевича Ульяновых. Более ста школьников выступали с разными танцами: классическими, народными, бальными. Концерты были посвящены какой-нибудь одной теме, с интересной режиссурой. Иногда устраивались целые хореографические спектакли по русским народным сказкам.

И я была одной из «артисток» этого замечательного коллектива. Мои родители и баба Пана очень радовались за меня, когда приходили смотреть эти выступления, разделяя мои творческие успехи. У бабушки часто на глазах были слёзы: это было для них, людей, переживших войну, неслыханным счастьем – смотреть на красивых и счастливых своих внуков.

Дома мама и бабушка помогали мне шить костюмы (Раиса Тимофеевна сама их раскраивала и придумывала), пришивать к ним блёстки. Для всех детей, участников «Юности», это было что-то необыкновенное, почти сказочное – ходить на занятия к нашей учительнице танцев Раисе Тимофеевне,

которая всем казалась волшебной феей. Во многом ей помогал и муж – Валентин Анатольевич. Он учил танцевать мальчиков, показывал им мужские движения. Занимался световым освещением во время спектаклей.

Иногда они с Раисой Тимофеевной сами танцевали в паре на концертах. Совсем ещё молоденькими они исполняли танец «Полька-шутка», в котором у них были костюмы сшиты так, что как бы они ни повернулись, казалось, что они танцуют лицом к зрителям: сзади на голове были надеты маски. Фотография с этим танцем была напечатана в какой-то газете: «Сибиряк» или «Омской правде». Запомнился мне и татарский танец в их исполнении.

Ульяновых в Калачинске знали многие. А ученики их считали людьми будущего, так как они были и внутренне, и внешне очень красивы. В их отношениях была полная гармония, и всё это душевное и доброе выливалось в итоги их работы. Они воспитывали культурных, интересных людей, развивали в детях таланты, раскрывали лучшие черты их личности.

*Ульяновы Раиса Тимофеевна и Валентин Анато-
льевич – основатели ансамбля «Юность». Калачинск, 1960-
е годы*

Раиса и Валентин Ульяновы. Калачинск, конец 50-х

Ансамбль «Юность» после отчётного концерта 1967 года к 50-летию Октября. Калачинск, сцена ДК.

Ульяновы в костюмах татарского танца. 1960-е

Глава 6. Начало семидесятых

Мама, Вerveйко Ольга Яковлевна. 1971

Отец, Вервейко Анатолий Антонович. 1971

Жизнь большого семейства

И вновь мне хочется вернуться к своим семейным воспоминаниям. Отец мой всю жизнь любил технику – мотоцикл, машины. У него на работе были разные машины: сначала он работал на грузовых, потом ездил на легковых. А дома у нас стоял в гараже чёрный мотоцикл с коляской. Он часто с ним возился, а Роман бегал рядом и смотрел, как он

«копается в железках». И мы частенько, надев мотоциклетные шлемы, ездили с ним в лес, на речку. Весной собирали в лесу подснежники. Эти цветы я очень любила, так как они всегда напоминали мой день рождения. И когда мне исполнилось 16 лет, то отец съездил 5 мая в лес и привёз целую охапку этих нежно-бело-жёлтых цветов.

Весной же большая семья Вервейко выезжала в поле: дедушка с бабушкой, семьи дяди Бори, Шананиных и наша. Сажали на общем поле картошку. Обычно ехали на автобусе, который дядя Боря брал на работе в Омске. А осенью все вместе с детьми ехали в поле копать урожай. Разжигали костёр на полянке у леса, пекли в нём картошку. Собирали в близлежащих колках грибы. Все вместе фотографировались, придумывая весёлые кадры.

Летом мы с мамой, братом и отцом ездили всей семьёй в лес за ягодой и грибами. Любили побыть на природе и полюбоваться её красотами. Я ещё тогда не видела других мест, и мне казалось, что у нас в Омской области самая красивая природа. Но, даже побывав и в более красочных местах, родная природа осталась в душе, как что-то неповторимое, своё, родное и близкое. Купались в Калачинске на речке Омке, и в Омске – на Иртыше, загорая на берегу. А вот к озеру Калач ходили редко, и чаще – *зимой*, со сверстниками: любили там кататься с гор на санках или лыжах. И в этот момент мне вспоминались стихи Пушкина: «*Под голубыми небесами, великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...*» Так

именно всё там и было в ясный тихий солнечный зимний день наших январских каникул.

В семье Вервейко обычно было многолюдно после праздничных демонстраций на *1 Мая* и *7 Ноября*, когда дома по радио и на улицах по большому репродуктору с утра играла маршевая музыка, все шли радостные: взрослые – с транспарантами, а дети – с шарами и зелёными весенними веточками с белыми бумажными цветами на них. Мимо трибун шли под музыку оркестра в колонне школы или своей организации на работе, а руководители города и района выкрикивали в микрофон праздничные призывы и лозунги.

Дети и внуки, живущие в Калачинске или приехавшие в гости на праздник, собирались в родительском доме за большим столом, шутили, что-нибудь вспоминали из своей жизни. И нам, внукам, было интересно и весело.

Многие дети большой семьи Вервейко в это время разъехались из Калачинска. Старшие Ольга и Нинель жили на Кубани – в Славянске-на-Кубани и Темрюке, Борис и Надежда – в Омске, Геннадий в Кемеровской области, Валентина уехала на комсомольскую стройку в Красноярский край. И только семьи Анатолия и Зинаиды жили в Калачинске.

Зинаида Антоновна Шананина, как я уже говорила, работала учителем истории в средней школе №4, её муж Геннадий Кириллович преподавал в спортивной школе. Жили они в многоквартирном доме у горсада. В семье Шананиных росли сын Вадик и дочь Танечка.

*Лидия Николаевна, Женя, Вовочка и Борис Антонович
Вервейко*

Часто у нас жил на каникулах мой двоюродный брат Женя Вервейко. И он был в нашем дворе «своим парнем». Мы с ним всегда вместе играли, иногда – дрались. А наша баба Пана ездила по просьбе его родителей к ним жить в Омск, так как некому было нянчиться с его младшим братом Вовочкой. Она была добрая, безотказная. Всегда всем старалась помочь. Ей там очень нравилось жить в благоустроенной квартире, и она мечтала, чтобы наша семья получила такую же. А вообще-то Прасковья Андреевна всю жизнь прожила одна с дочерью, привыкла быть хозяйкой, и хотела жить

отдельно. Она очень любила порядок и чистоту, а в нашей семье из пяти человек всё это сохранять идеально не получалось.

Иногда я тоже ездила на каникулах *в Омск*, в гости к дяде Боре и тётё Лиде. Они жили на *улице Самарской, в Кировском районе*, недалеко от реки *Иртыш*. Мы часто летом там купались или рыбачили, а зимой катались с гор, которыми служили заснеженные берега реки.

Когда моя тётя Валя ещё училась в автодорожном институте в *Омске* и была студенткой, живя в общежитии, она однажды на летней сессии брала меня к себе. Мне было интересно находиться среди студентов, смотреть на их общежитскую жизнь, ходить с ними перекусывать в кафе или столовые. Конечно, студенты жили весело и очень любили Омск, заражая этой любовью и меня.

С тётей – Надеждой Антоновной Вerveйко. 1971

Позже я была в гостях в Омске и у своей младшей тёти – Нади, и мы с ней сфотографировались в фотоателье вдвоём на память о моём посещении Омска. В тот раз мне впервые пришлось одной столкнуться с цыганками в парке, когда Надежда меня отправила в магазин. Они меня долго «обрабатывали» и чуть не выманили все имеющиеся при мне деньги. И потом моя молодая тётушка «учила меня жизни»: как нужно вести себя в большом городе на улицах – мало кому доверять (ведь в больших городах уже были совсем не такие отношения между людьми, чем в маленьких, таких, как Калачинск).

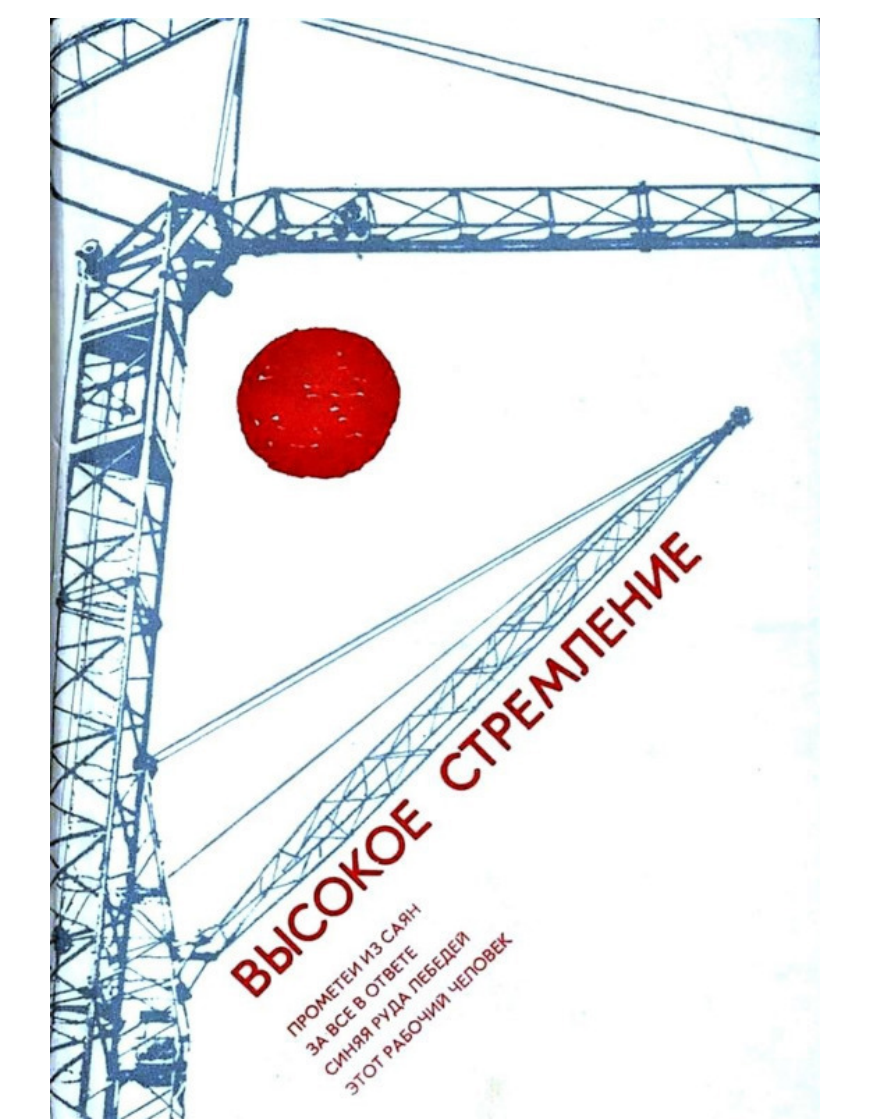
Поездка в Красноярский край

После окончания института тётя Валя уехала работать на комсомольскую стройку. И вот, летом 1971 года, мы всей семьёй ездили в *Красноярский край* – к Прокофьевым, где жили сестра отца Валентина с мужем Василием (строители Саяно-Шушенской ГЭС). Там было несколько посёлков для строителей ГЭС. Помню – Черёмушки, Означенное, они жили – в *Майна*. Сначала мы с тётей Валеёй поехали вдвоём на поезде в город *Абакан* с её маленькими детьми – Наташей и Ваней. (Я помогала ей водиться). Из Абакана ехали на автобусе до их посёлка. Днём я иногда ходила загорать на пороги (они были похожи на островки) *Енисея*, который протекал не так далеко от их двухэтажного деревянного многоквартирного дома. Купаться в реке было боязливо: вода в ней была почти ледяная, течение было быстрое. Вдали были видны *Саянские горы*. Мне нравилась таёжная природа этих мест, её суровая красота. Местные жители, с которыми я знакомилась (особенно – бабушки) рассказывали, что в посёлке было много ссыльных людей, кого-то отправляли в эти места ещё до революции, в царские времена, а кого-то – в сталинские. Люди занимались охотой, рыбной ловлей. Почти у каждого частного добротного деревянного дома на берегу Енисея стояли лодки, чаще – моторные.

Василий и Валентина Прокофьевы. 1970-е

В доме моих родственников царил молодой комсомольский задор. Их друзья, которые работали на комсомольской стройке, часто к ним приходили и приносили то грибы, то ягоды. У Прокофьевых были малыши-погодки, поэтому молодые строители понимали, что им нелегко справляться с ними и некогда ходить в лес. А однажды мы с дядей Васей и отцом (когда родители приехали за мной) ходили в лес на гору и собирали там грибы. Было очень интересно и необычно в таком лесу, совсем не так, как в наших лесостепных колках. Впервые мне пришлось подняться на гору.

ВЫСОКОЕ СРЕМЛЕНИЕ

ПРОМЕТЕИ ИЗ САЯН
ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ
СИНЯЯ РУДА ПЕБЕДЕЙ
ЭТОТ РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК

Обложка книги о сибиряках из Красноярского края

*Валя Вервейко — хозяйка котлована.
За двадцать дней до перекрытия Енисея.*

До декретного отпуска Валентина работала мастером участка, и однажды её большой красивый портрет с улыбкой, в телогрейке и шапке-ушанке, был напечатан на первой странице газеты «Правда». Вся наша многочисленная родня, конечно, очень гордилась этим событием. Позже вышла книга *«Вечное стремление»*, где Юрий Скворцов написал о ней очерк *«И вечный бой»*, назвав её хозяйкой котлована. И хоть она была скромной, часто заливалась краской от слов мужчин, но умела ими руководить, пользуясь авторитетом в коллективе за свои знания и умение общаться с людьми. Также в книге была помещена фотография Вали Вервейко, похожая на газетную. Вскоре Валентине стали присылать письма со всего Советского Союза, и даже – зарубежья. Иногда она доставала чемодан с ними, и мы начинали читать самые интересные. Писали люди разного возраста. Один пенсионер в каждом письме присылал стихи про Валю и её маленьких детишек. Но чаще писали молодые парни: из армии и мест заключения. Предлагали переписку или сразу же звали замуж. Она многим писала ответы (чтобы особенно не надеялись: она была уже замужем) и получала от них вторичные письма и поздравления. В одной из книг о Красноярском крае и строительстве этой ГЭС была помещена и фотография мужа Валентины – Василия Прокофьева, за работой гео-

дезиста.

Когда приехали мои родители с братом Ромой-дошкольником, то мы ездили с ними на *стройку Саяно-Шушенской ГЭС*. Поразила мощь этого строительства, огромные машины (только колесо грузовика было в рост человека!) А на скалах огромными буквами красовалась белая надпись: «Мечте Ильича сбыться!» Съездили мы и на экскурсию в *Шушенское*. Увидели целую улицу того села, где жили когда-то молодожёны Ульяновы. Там был мемориальный комплекс, сохранивший быт 19-го века. Заезжали мимоходом и на родину моего отца – в город *Минусинск*. Он славился своим старинным музеем (его открыли ещё в XIX веке, впервые в Сибири). Во дворах домов было много яблонь и других садовых деревьев. Правда, городок показался пыльным, сереньким: может, там в то лето долго не было дождей?

Проездом в Новосибирске

Наша семья в фотоателье г. Новосибирска, 1971

На обратной дороге мы заехали в *Новосибирск* – к дяде Вите Безродных, двоюродному брату отца. Их семья жила где-то в районе магазина «Малахитовая шкатулка». Вокруг был сосновый бор, изредка прыгали белки. Они снимали квартиру с высокими потолками, а в коридоре стояла ка-

кая-то огромная холодильная установка. Жену Виктора звали Галиной, она работала в библиотеке (а училась она раньше в Омске вместе с тётёй Зиной в пединституте на историко-филологическом факультете). Позже, в 1973 году, когда я была абитуриенткой НИИЖТа, то немного жила в их семье в новой квартире на улице Дуси Ковальчук. Они тогда воспитывали двух маленьких сыновей – Виталика и Алёшу. Баба Паша (мама Виктора) помогала водиться, а летом часто жила на даче, за городом.

В Новосибирске в фотоателье делали обычно фотографии с коричневым оттенком, очень качественные. И мы всей семьёй сфотографировались.

«Фотоателье» во дворе

1 сентября 1965 года. Дворовые подружки Вервейко Галя, Отина Надя и Попова Наташа. (Одна из фотографий дяди Паши – главного фотографа нашего двора).

Вернувшись домой, я сама решила заняться фотографированием. Во втором доме нашего двора, в первом подъезде на первом этаже, жил наш *дворовый фотограф* – дядя Паша (фамилию не помню). Он и давал мне первые уроки по фотodelу. Иногда он фотографировал во дворе своих соседей, и, благодаря ему, пополнялись наши семейные фотоальбомы. (Причём денег он за это ни с кого не брал). И первое время мы с девчонками частенько просили у него фотоувеличитель на ночь в свою квартиру, чтобы печатать свои первые снимки, которые, конечно, не всегда получались. (Сейчас я даже удивляюсь его щедрости: ведь мы могли увеличитель случайно сломать). Особенно сложно было глянцевать фотографии: они прилипали к стеклу и иногда *намертво* оставались на нём. Но мы радовались каждому удачному кадру, и было очень интересно смотреть, как постепенно проявлялись на мокрой фотобумаге очертания изображений при красном свете фонаря. Позже отец купил мне портативный увеличитель, который складывался в дипломат.

Магия катка

Когда наступала зима, то мы с нетерпением ждали, когда

на большом поле стадиона залиют *каток*. Сначала с ребятами брали в клубе мехзавода коньки на прокат или у своих друзей, потом родители купили нам свои. На улице было темно, над катком горели прожекторы, излучая яркий свет, и звучала музыка – современные эстрадные песни. В душе был восторг! И мы, взявшись за руки, катались на коньках. Встречались там со своими школьными и дворовыми друзьями, знакомились с ребятами из других школ. Мальчики часто оказывали нам знаки внимания, было интересно и весело. Об этом есть записи в моём дневнике 7-го класса: «*Вечером я пошла к Иринке. И началось наше скитание в поиске коньков. Мы взяли с ней коньки у Волошиной Оли, так как своих у нас ещё нет. И втроём – Кнырикова Таня, Иринка Фирс и я – пошли на каток. Я только учусь кататься. Было так чудесно на катке! У меня немножко стало получаться. Нам с девочками так понравилось, что решили прийти сюда завтра, а в следующую субботу пойти всем классом. Не знаю, правда, удастся это или нет? День закончился с чудесным настроением!*»

А на этом фото моя двоюродная сестра Валентина Дей-

нега. Она приехала жить в Омск из Славянска-на-Кубани. 1970-е.

Мы едем к морю!

Прошло время, и вот наступили мои последние летние школьные каникулы *1972 года*. В августе мы с папой и двоюродным братом Женей едем на поезде к морю! На юг – в гости к тёте Оле и тёте Неле. *Кубань* нас встретила солнцем, жарой, спелыми виноградом и яблоками во дворе дома на *улице Гриня* в городе *Славянске-на-Кубани*, в семействе Дейнега. Старшая дочь тёти Оли и дяди Валентина – Валечка – уже была студенткой. Она уехала в Сибирь к родственникам и осталась жить на омской земле. Ей очень понравилось в Сибири. Особенно она ценила в Омске общение сибиряков. Её родной брат Саша, (а мой – двоюродный), который был немного младше меня, теперь остался в доме за старшего. Ещё у них росла Леночка – лет шести, для которой в зале стоял чёрный рояль, на котором она начинала учиться играть. Такой же по возрасту была и дочь тёти Нели – Светланка.

Тёплыми южными ночами мы, старшие дети, спали на крыше и смотрели на яркие звёзды чёрного неба. Казалось, что они находятся совсем близко – протянешь руку и возьмёшь в ладонь. А днём фотографировались на фоне фруктовых деревьев, братья снимали меня в балетной позе

«аттитюд», срывающей яблоки или сидящей рядом с огромной собакой на цепи и глядящей её (хоть я её страшно боялась!) Есть одна фотография в тире, где братья учили меня стрелять по мишеням. Гуляли по городу, рассматривали цветы, скверы, кафе, магазинчики и памятники о следах прошедших войн на этой территории.

Мы с двоюродным братом Женей на Чёрном море в Анапе. 1972

*Женя Вервейко с дядей Толей (моим папой). Чёрное море,
1972*

Танец «Сбор фруктов в кубанском саду»

Дедушка мне рассказывал, что дядю Валентина (мужа тёти Оли), молодого тогда паренька, однажды кто-то предал во время фашистской оккупации. Он был партизаном или подпольщиком. И как-то пришёл тайно домой, а соседка увидела его одежду на вешалке и доложила старосте. Его поймали и пытали, вставляя иголки под ногти, но так ничего и не добились. Вскоре Славянск-на-Кубани был освобождён нашими войсками, и дядя Валентин был спасён.

*С моим двоюродным братом Сашей Дейнега.
Славянск-на-Кубани. 1972*

С кубанскими сестрёнками Светланкой Вервейко и Леночкой Дейнега. 1972

Наша кубанская родня: Нинель Вервейко, Валентин, Ольга, Саша и Лена Дейнега, Света Вервейко. 1972

Потом мы поехали в Темрюк – к тётё Неле. Она жила в пятиэтажке, в квартире на первом этаже. С ней мы частенько варили борщ из рыбы или жарили её (разной морской рыбы было очень много в местном фирменном магазине: и мороженой, и живой, плавающей в бассейнах). После обеда шли купаться на Азовское море. Вода в этом море с сероватым оттенком. И было много-много медуз, которые, задев тело, об-

жигали его, словно крапива. И мы, завидев медуз, старались от них *убежать* в воде. А вечерами были красивые закаты над морем, с розово-голубыми оттенками на небе, которое отражалось бликами на волнах моря.

Однажды ездили в *Анапу* – на *Чёрное море*. Анапский пляж зовут *золотой подковой* – это побережье из мелкого жёлтого песка. Цвет воды в море необыкновенный – бирюзовый. И очень прозрачная вода. Долго-долго идёшь по мелководью, созерцая дно через красивую воду. Недалеко от пляжа, в парке, стояло колесо обозрения, поднимаясь на котором, мы смотрели на город, порт и море с высоты. И фотографировались у скульптуры большого орла на камнях – типичного на юге и Кавказе скульптурного изображения

Вот мы и прилетели в Сибирь! Омск, август 1972

В Омском аэропорту нас встречали Валя Дейнега и тётя Лидя Вервейко. Август, 1972

В обратный путь мы летели из *Краснодара* на самолёте. Это было впервые в моей жизни. Полёт мы перенесли нормально, только слегка закладывало уши. Было интересно смотреть в иллюминатор на белые холодные облака, а когда стали опускаться на посадку, то увидели наш Омск, как будто нарисованным на карте. Когда мы приблизились к земле, видны были «игрушечные» домики, маленькие автобусы и машинки на дорогах. В этот момент я ощутила себя мел-

кой песчинкой в огромном космическом мироздании.

Наша семья в 1973 году в Новосибирске. Я закончила среднюю школу.

Прощай, калачинское детство!

Так подходили к концу годы моего детства в Калачинске среди родных и близких людей. Наступил 1973 год. В мае мне исполнилось 17 лет. Я закончила учёбу в 10 «А» классе средней школы №1. И больше уже никогда не жила в Калачинске. О том, что происходило в эти годы в стенах моей

родной школы – следующий раздел моей книги.

Родственники поздравляют Марию Алексеевну Вербейко с 90-летием. Омск, 1997

Антону Евдокимовичу Вервейко исполнилось бы 100 лет. Потомки собрались во дворе его дома. Калачинск, июль 2005

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

*Посвящается 50-летию окончания
средней школы №1 города
Калачинска выпуска 1973 года*

*Школьные годы чудесные
С дружбою, с книгою, с песнею.
Как они быстро летят!
Их не воротить назад.
Разве они пролетят без следа?
Нет! Не забудет никто никогда
Школьные годы.
Евгений Долматовский*

Глава 1. Начальная школа

В Калининскую среднюю
школу №1
от Вервейко О. Я.

Заявление

Прошу записать в школу мою
дочь Вервейко Талину Антоновну.

16/11-63г.

Верви

Так началась моя школьная жизнь.

1 "А" класс Калачинской средней школы №1 с учительницей Клавдией Ивановной Карбиной. 1964

Первый раз в первый класс

1 сентября 1963 года мама за ручку привела меня в 1 «А» класс калачинской средней школы №1. Начальная школа находилась тогда в деревянном двухэтажном (насколько я помню) здании на улице Омской. В нём нас встретила первая учительница – Карбина Клавдия Ивановна. Ей было в то время лет пятьдесят. Очень интеллигентная, в очках, в чёрном платье с белым воротничком, как и подобало в то время настоящей учительнице. Она нашла к каждому из нас особый ключик. Все мои одноклассники её действительно любили,

как вторую маму. Доверяли ей свои секреты и многому учились у неё, внимательно следя за её жестами, выражением глаз, говорящими губами. Она была серьёзной и весёлой, иногда – строгой, но всегда очень искренней. Никогда не говорила с нами в приказном тоне. Учила и воспитывала нас в игре. То мы соревновались между рядами за лучшую дисциплину, то старались получить красную звёздочку из картона, вложенную в тетрадь за оценку «4» или обложку с портретом маленького Володи Ульянова за «пятёрку».

У Клавдии Ивановны был очень красивый *правильный* почерк, и мы, почти не дыша, смотрели на переменах или после уроков, как она проверяла наши тетради и выводила красными чернилами отметки. Каждую нашу ошибку она *брала на учёт*, записывая её в свою особую тетрадку, и затем добивалась, работая с нами над ошибками, чтобы мы уяснили, в чём же они? Клавдия Ивановна имела прекрасную дикцию и часто читала нам детские книги, сама очень любила стихи, которые учила нас декламировать. И некоторые из нас выступали, как чтецы, на городских конкурсах школьников.

Наша первая учительница любила петь, она учила с нами на уроках пения детские песни. Ещё запомнились репетиции, которые проходили к новогодним утренникам. Нас оставляли после уроков все три параллельных класса. Вожаемые с нами разучивали танец *снежинок*, а учителя репетировали песни. Например, мы дружно пели: «Маленькой ёлочке холодно зимой...» У «бэшек» в параллельном классе была

первой учительницей подруга нашей Клавдии Ивановны — *Жиленкова Мария Ильинична*, а в «в» классе — *Александрова Вера Романовна*. И каждый класс свою учительницу считал самой лучшей.

У нас в классе всегда было много наглядных пособий. сын Клавдии Ивановны, Анатолий, хорошо рисовал. И они вместе с ним изготавливали их для уроков. Каждый урок Клавдии Ивановны был неповторимым, даже торжественным. Мы всегда чувствовали важность получения новых знаний.

Очень бережно наша учительница обращалась с Книгой. И мы с трепетом открывали с ней свои новенькие учебники, которые покупали с родителями летом в книжных магазинах, 1 сентября (в конце лета мы просто не могли дождаться этого дня!). К учебникам обязательно наши мамы пришивали цветную закладку-тесёмку. А на внутренней стороне обложки, в верхнем углу, мы, девочки, обычно помещали рисунок-переводку (мочили изображение в воде и осторожно накладывали рисунок, снимая верхний слой бумаги). Клавдия Ивановна приучила нас оборачивать учебники калькой и не рисовать на страницах, чтобы эти книги могли послужить позже тем ребятам, родители которых не имели возможности покупать новые. Наша учительница всё делала аккуратно и очень красиво. И нам хотелось очень быть похожими на неё.

Октябрёнок в пионерском лагере

В пионерском лагере "Орлёнок" Калачинского района. 1964

Закончив первый класс, *летом 1964 года*, я впервые поехала в калачинский пионерский лагерь «Орлёнок». Мы жили в лесу в деревянных корпусах, подчиняясь режиму: рано вставали, делали зарядку, умывались, убрали свои комнаты, когда были дежурными. Играли с вожатыми в разные игры, учились петь, танцевать.

На территории лагеря, среди берёз, стояли качели и дневная кинопередвижка. Нам частенько показывали в ней дет-

ские фильмы. Киномеханик крутил их по частям на больших бобиных, когда очередная часть заканчивалась, мы терпеливо ждали, когда он заправит в аппарат плёнку – следующей.

Помню, как к нам приезжали пожарники и учили ребят из старших отрядов пользоваться огнетушителями на случай пожара. А мы были зрителями на большой поляне.

Форма в лагере была свободной: мы ходили в своей летней одежде. Некоторые ребята пионерского возраста повязывали на шею красные галстуки по своему желанию.

Директором лагеря был мой дальний родственник – Шанинин Виктор Кириллович, физкультурник. На пиджаке своего костюма он носил ромбик, который вручался в институтах при получении высшего образования. Его носили на своих пиджаках многие учителя в то время.

Вервейко Галя – октябрёнок. 2 класс. 1964-65 годы.

Октябрята – будущие пионеры

С 1-го по 3-ий – весь наш класс был разбит по пятёркам – на *октябрятские «звёздочки»*. В одной из них я была командиром. И мы все дружно выучили пять правил октябрят:

Октябрята – будущие пионеры

Октябрята – прилежные ребята, хорошо учатся, любят школу, уважают старших.

Октябрята – честные и правдивые ребята.

Октябрята – дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут.

Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут.

В классе висела «Карта страны Октябринии», по которой мы со своей первой учительницей и вожатыми-пионерами (из 5-7-ых классов) «путешествовали». Каждый из нас получил в канун 7 Ноября 1963 года значок – звёздочку с портретом маленького Володи Ульянова, который мы с гордостью носили на своих школьных фартучках с левой стороны груди. Закончили мы своё «путешествие» в третьем классе, в мае, прибыв, видимо, на станцию «Пионерская».

торжественное обещание
пионера Советского Союза

«Я (фамилия, имя), вступая в
ряды всесоюзной пионерской
организации имени Влади-
мира Ильича Ленина, перед
лицом своих товарищей
торжественно обещаю:
горячо любить свою Родину,
жить, учиться и бороться,
как зовут великий Ленин,
как учит коммунистичес-
кая партия, всегда вос-
помять законы пионеров
Советского Союза.

Старательно переписывала я вместе со своими одноклассниками на листок бумаги «Торжественное обещание пионера Советского Союза»: «Я, Вервейко Галя, вступая в ряды всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обе-

щую: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия, всегда выполнять законы пионеров Советского Союза». И все с нетерпением ждали самого торжественного дня – вступления нашего 3 «А» класса в пионерскую организацию средней школы №1 имени Олега Кошевого (героя-молдогвардейца, совершившего подвиг в годы Великой Отечественной войны).

«Как повяжешь галстук – береги его»

И вот настал солнечный весенний день – 22 апреля 1966 года. Но на улице было нежарко: дул прохладный ветерок. А нам предварительно (за день до этого!) врачи поставили уколы под лопатку. И многие, мужественно претерпевая боль и температуру, шли в *стройных рядах* будущих пионеров с нашей учительницей и вожатыми в городской парк – к памятнику В. И. Ленину. В день его рождения мы впервые надели пионерскую форму (правда, сверху пришлось накинуть пальтишки) – белые рубашки и тёмные юбочки (мальчишки – брюки) с белыми пилотками с красной кисточкой – на голове. И наши вожатые-комсомольцы или старшие пионеры повязали нам (мне – Окунева Света) после нашего торжественного обещания, произнесённого хором, как клятву, красные галстуки. Под звуки горнов и барабанов. Все сразу забыли про свои больные уколы! Радости нашей не было

предела в тот апрельский день.

Приём в пионеры. Света Окина повязывает мне галстук. Калачинск, 22 апреля 1966 года

Ура! Мы – пионеры! "Будь готов!" "Всегда готов!" 3 "А" класс

Вскоре наш класс (пионерский отряд) был разбит на *пионерские звенья* (по рядам), где были выбраны нашим голосованием *звеньевые*, а мне ребята оказали честь стать председателем нашего *отряда имени Зои Космодемьянской*. Вместе с Клавдией Ивановной мы прочли книгу её матери «Повесть о Зое и Шуре» о детстве в родном доме и подвиге своих детей в годы Великой Отечественной войны. Мы знакомились с биографиями пионеров-героев и очень хотели быть похожими на них. Даже иногда жалели, что родились совсем

не в героическое время (нам хотелось совершать подвиги!)

Но хочу сказать, что моя бабушка-коммунистка, та, что работала в райкоме партии, всегда с грустью смотрела на меня, когда я романтизировала революционное и военное прошлое, и говорила мне:

– Не дай Бог, вам так жить, как жили мы! Вот только сейчас и началась нормальная жизнь в нашей стране... Только бы жить да жить!..

Перед вступлением в пионеры Клавдия Ивановна провела в нашем классе интересную игру «в разведчиков». Играя в неё, мы добывали знания, как разведчики – сведения. И до сих пор у меня хранится красивая большая книга с толстой яркой обложкой «Питание школьника» с подписью моей первой учительницы: *«Лучшей разведнице Вервейко Галине за отличную успеваемость и примерное поведение. Учительница Карбина. 5 февраля 1966 года».*

Ф. 1111

Министерство Просвещения РСФСР

В е д о м о с т ь

ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ И ПОВЕДЕНИЯ

учени цк " IV " класса A

средней школы № 1
г. Камачинска

(города, села)

(района)

Омской области

(края, обл. АССР)

Гверейко Тамара

(фамилия, имя)

За 196 6 - 196 7 учебный год

Итоги начальной школы

ПРЕДМЕТЫ

Оценки (отметки) успеваемости по четвертям

Годовая оценка (отметка)

I II III IV

1. Русский язык	Устный	5	5	5	5	5			
	Письменный	5	5	5	5	5			
2. Чтение		5	5	5	5	5			
3. Арифметика									
4. Алгебра									
5. Геометрия									
6. Тригонометрия									
7. Естествознание		5	5	5	5	5			
8. История		5	5	5	5	5			
9. Конституция									
10. География									
11. Физика									
12. Химия									
13. Астрономия									
14. Иностр. яз. (какой)		5	5	5	5	5			
15. Физкультура		5	5	5	5	5			
16. Труд		5	5	5	5	5			
17. Рисование		5	5	5	5	5			
18. Числосписание									
19. Черчение									
20. Денеж		5	5	5	5	5			
21. Поведение		5	5	5	5	5			
22. Число пропущ. уроков									
Подпись учителя — классного руководителя		Жадов							
Подпись родителей		Видиш							

Итоги года (переведен в следующий класс, дано задание на осень, оставлен в том же классе, выпущен, исключен)

Переведена в пятый класс
Учитель — классный руководитель Жадов
30 мая 1967 г.

ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Выдана ученице IV-го класса А средней школы 1
г. Казань Восточной области
Варвеево Галине
(полн. имя и фамилия)

ЗА ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

г. Казань
(город, район)
30 мая 1967 г.

Директор школы

М. Дур

Учитель:

Карбина

№ _____

Уважаемые Вервейко
Анатомий Антонович и
Ольга Яковлевна

Педагогический коллектив Калачинской средней школы
№ 1 выносит Вам благодарность за хорошее воспитание
дочери Галины ученицы IV А
класса, окончившей 1966/67 учебный год
на отлично при примерном поведении.

Директор школы

Кл. руководитель

Медведев
Карбине

*Вот так мы выросли за 4 года начальной школы! 4
"А" класс с первой учительницей К.И Карбиной*

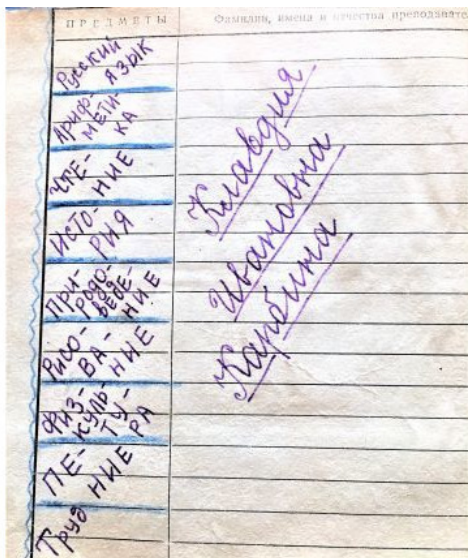
Надо сказать, что многие ребята в нашем классе учились хорошо – на «4» и «5», на «тройки»» училось мало учеников. Было немало отличников: Света Скрипка, Валя Захаров, Швыров Валера, Чикарин Саша и другие. И после окончания начальной школы – 4-го класса – мы с гордостью получили «Похвальные грамоты» с подписью директора школы – Михаила Антоновича Фурманчука и первой учительницы К. И. Карбиной. Было это 30 мая 1967 года.

До свидания, первая учительница!

Не передать то чувство, которое мы испытали при расставании с первой учительницей! И для Клавдии Ивановны мы были последним выпуском в её почти сорокалетнем труде учителя начальных классов. Правда, она, уйдя на пенсию, ещё набрала первый класс, но, проучив их два года, ушла на отдых по состоянию здоровья. Помню, как я очень сильно переживала за её маленьких учеников, так как была у них вожакой. Мне было жалко, что им так рано придётся расстаться с такой хорошей учительницей. Ведь и она, и они уже успели привыкнуть друг другу.

Наша любимая Клавдия Ивановна Карбина. Калачинск, 1967

Страница из дневника. 4 класс . 1966-67 учебный год

Своё окончание начальной школы мы отмечали не только в школе на своём классном празднике вместе с родителями, но и собирались на чаепитие к Свете Скрипка, в доме на Омской улице. Там мы подарили Клавдии Ивановне большой букет цветов, долго с ней разговаривали, и не могли представить, как мы теперь будем учиться в школе без неё.

Закончили мы начальную школу в отдельном одноэтажном каменном здании (в него мы перешли ещё во втором классе), которое находилось на территории основной двухэтажной школы, в которой учились ребята 5-10-х классов.

Хочу ещё добавить, что, несмотря на нашу успешную учёбу (Клавдия Ивановна умела каждому своему ученику создать стимул для этого, к тому же она за свой учительский труд была награждена знаком «Отличник народного просвещения»), мы были уже в начальной школе большими озорниками. В первом классе я однажды плохо вела себя после уроков, и Клавдия Ивановна, написав записку моим родителям, попросила Сашу Кузнецова, который жил в соседнем со мной доме, отнести её. Я его встретила из-за угла, отобрала записку и подралась с ним, обозвав *предателем*. Потом его мама пришла к моим родителям, рассказала об этом, и все они смеялись надо мной. Рассказали учительнице, она тоже засмеялась, сказав:

– Ну, Галя, ты и хулиганка! Не ожидала я от тебя такого! И поскольку большинство моих друзей были мальчишками, то я частенько участвовала с ними в разных проделках. И мне с ними частенько доставалось за это – по полной программе. Клавдия Ивановна в такие дни брала наши портфели к себе домой, сообщая, что мы должны явиться за ними к ней по адресу: Гагарина, 72 (это было недалеко от школы), вместе с родителями.

Во дворе её дома была большая собака на цепи. Мы стучали в окно, и кто-нибудь из её домочадцев выходил за ворота, чтобы проводить нас в дом. Сначала Клавдия Ивановна очень строго сообщала матери или отцу о случившейся

проделке, затем они вместе «наставляли нас на истинный путь», а мы слушали, опустив голову. После, в знак перемирия, с надеждой, что с сего дня всё будет хорошо, сидели за стол пить чай. И Клавдия Ивановна уже улыбалась, даже смеялась, и становилась радушной хозяйкой, с гордостью посвящая нас в тайны своей семейной жизни.

В семье Карбиных (муж у Клавдии Ивановны – Александр Степанович, как я уже говорила, был врачом) царило глубокое уважение. Именно так рассказывала наша учительница о своей свекрови, жившей с ними (иногда она приглашала её в школу на пионерский сбор, чтобы мы послушали от неё о первых послереволюционных годах жизни в Калачинске), муже, который имел *самую человеческую профессию на земле* (по словам учительницы) и своих сыновьях – Анатолии и Владимире. Показывала семейные фотографии. А однажды вместе с нами, в канун 8 Марта, выпустила фотоальбом о наших мамах, поместив их фотографии с краткой биографией на странице. Этим она подчёркивала и учила нас самым главным – семейным ценностям.

Так Клавдия Ивановна учила нас быть внимательными. И мы тоже поздравляли её и старались никогда не забывать.

Каждый год 1 сентября мы посещали свою первую учительницу. 10 «А» класс с классной руководительницей Т. Е. Каменской и К. И. Карбиной. 1973

Не забывала Клавдия Ивановна и своих предыдущих учеников, получала от них письма, открытки. Рассказывала нам о том, кем они стали в жизни. Так же она позже помнила и всех нас, пропустив каждого через своё сердце. Участь в школе, наш 5 «А – 10 «А» класс получал от неё поздравительные открытки (обычно на 7 Ноября и Новый год). Мы частенько приходили к ней в гости после школы, сообщая о своей жизни. Пришли мы всем классом и 1 сентября 1972 года, когда пошли в свой последний – десятый класс.

Сфотографировались с Клавдией Ивановной у дома

на улице Гагарина, ставшего для всех нас родным. Она угостила нас крупными ранетками, растущими на деревьях во дворе её дома. Улыбаясь, Клавдия Ивановна смотрела на своих повзрослевших воспитанников, и, конечно, вспоминала нас, какими мы пришли к ней в первый класс: ведь возраст первоклашек для неё был самый любимый.

Я переписывалась со своей первой учительницей до конца её жизни, и часто слышала от неё дорогие слова: «Галя, ты для меня – дочь». И почувствовала себя осиротевшей, когда в 1995 году получила, живя на Алтае, письмо от её снохи Любы, что Клавдии Ивановны больше нет в этой жизни... Она всегда помнила всех своих учеников, переживала их радости и горести по-матерински.

Рождение школьной дружбы

Мне хочется ещё сказать, что в начальной школе я обрела немало друзей. Сначала, в первом классе, дружила с **Дикой Людой**, озорной и весёлой девочкой. Но вскоре их семья уехала из Калачинска. Мы подружились со **Сницаренко Лидой**. Дом её родителей (тоже на улице Гагарина, но дальше – за баней, в сторону больницы) долгое время был для меня и девочек-одноклассниц своим. Мы там вместе делали уроки, играли, в старших классах – печатали фотографии. Тётя Вера и дядя Федя Сницаренко – родители Лиды, работали на межрайбазе, поэтому у них в доме, в отличие от мно-

гих из нас, была более солидная обстановка: висели хорошие персидские ковры (и даже стояли в рулонах – на приданое дочерям!) Ведь на базе можно было всё достать, чего не было в магазинах, и купить по более низкой цене. Дядя Федя работал шофёром и осенью привозил арбузы, которые лежали ещё долго под кроватью и «ждали» всегда нашего прихода. Мы с такой радостью каждый раз разрезали спелые арбузы и уплетали их за обе щеки! (Невиданное для тех времён счастье!) Однажды тётя Вера купила нам с Лидой одинаковые модные болоньевые куртки, которыми мы очень гордились и с радостью ходили в них в кино и школу.

Иногда мы коллективно, со своими мамами, ходили в общую баню, которая находилась на улице Гагарина. В пятницу и субботу там были большие очереди, и кто-нибудь из нас занимал очередь на всех. Остальные коротали время в доме Сницаренко. А после бани все с удовольствием пили газводу с сиропом – по 3 копейки, в банном буфете. Но ещё вкуснее была вода с «двойным» сиропом – по 7 копеек, обычно мы её и пили.

В 3-ем классе в наш класс пришла новенькая девочка – **Фирс Ира**. Её родители переехали на *площадку Проффессиональную, в дом 12, квартиру №2*, который находился за клубом мехзавода. Этот дом был на четыре квартиры. В дошкольном возрасте Ира с родителями жила в Тургеневке, потом они переехали в Калачинск, и она училась в восьмилетней школе, у горсада. Когда она стала нашей одноклассни-

цей, то нам с ней было по пути ходить в школу, и мы подружились. Эта семья стала мне поистине родной. И вот уже почти 40 лет её родители, тётя Тома (Тамара Захаровна Фирс) и дядя Лёня (Алексей Ефимович Фирс), зовут меня «наша дочка». И я, приезжая в Калачинск, останавливаюсь у них, как у самых близких родственников (теперь в *доме №5 по переулку Вокзальному, в квартире 26*). Их доброта, порядочность, честность, бескорыстие знакомы многим людям, которых они согревают своей душевной теплотой. А Иринка стала мне настоящей сестрой, с которой всегда можно по телефону, в письмах или при встрече (теперь нас разделяют приличные расстояния) поделиться самым сокровенным, и никогда она не выдаст тайны, не предаст, поможет словом и делом в трудные минуты.

В начальной школе началась наша дружба с **Людой Орлянской, Наташей Кустовой, Любой Богомазовой** и нашими мальчишками – **Семёнушкиным Сашей, Зайцевым Витей, Додоухом Сашей, Кузнецовым Сашей, Волошиным Сергеем**. Все мы жили в районе Заводской улицы, недалеко от стадиона. Частенько ходили туда играть или – в гости друг к другу. Часто общались со **Светой Скрипка, Ирой Даниленко, Томой Ефремовой**.

Мы, девчонки, очень хорошо относились к **Федосееву Воле** – рыженькому, веснушчатому улыбчивому мальчику со спокойным характером и считали его своим другом.

С ним мы никогда не конфликтовали.

Недалеко от школы, в переулке, жил **Гаврилов Сергей**. Он отличался от всех своей степенностью и неторопливым чувством юмора (когда он выходил к доске, то мы с нетерпением ждали, когда же он напишет следующее слово?) Когда я стала взрослой, то Клавдия Ивановна всегда смеялась, говоря мне: «Галя, я всегда смотрела на вас с Гавриловым и почему-то думала, что вы, став взрослыми, поженитесь!» А вот у нас с ним почему-то таких мыслей никогда не было!

Ещё, Клавдия Ивановна повторяла при встрече: «Галя, я никак не могу привыкнуть к тому, что ты стала такой спокойной, ведь в школе ты не могла спокойно сидеть, без конца крутилась за партой! Но глаза у тебя были такие умненькие, любознательные! До сих пор у меня иногда стоят перед глазами, когда вспоминаю тебя. Вы ведь для меня на всю жизнь остались детьми, я в каждом из вас вижу тех – прежних девочек и мальчиков».

Глава 2. Пионерский возраст

Пятый «А»: вот и стали мы на год взрослей...

Перейдя в двухэтажное здание старшей школы, мы ещё три года оставались пионерами. Классной руководителем у нас стала Надежда Васильевна Печкурова, учитель русского языка и литературы.

Мы вступали в трудный школьный возраст – переходный.

И потому ей с нами приходилось очень непросто. Сначала мы не могли смириться с тем, что больше нет рядом с нами нашей любимой Клавдии Ивановны. Все действия новых учителей мы сравнивали с тем, как поступала она. И, конечно же, она была для нас всегда идеалом Учителя. Ведь она была – Первой.

Несмотря на то, что Надежда Васильевна очень быстро привыкла к нам, полюбила и близко принимала к сердцу наши успехи и неудачи, успеваемость стала немного падать: психологически не все дети могли перейти от одного учителя – ко многим. Каждый из учителей стал предъявлять требования к своему предмету, да и предметов стало намного больше.

Надежда Васильевна была очень талантливым организатором. Когда-то она была неутомимой пионервожатой, поэтому наш класс все эти годы был первым в своих отрядных успехах в пионерской дружине школы. Да и старшей вожатой была выпускница Надежды Васильевны – Люда Ямбор – симпатичная, зажигательная и очень активная. Наша учительница очень гордилась ею и ставила нам её в пример.

Нам казалось, что мы всё делаем сами: готовим концерты, подписываем открытки к праздникам шефам (мехзаводу) и родителям, готовим пионерские сборы... Инициатива была через край. Надежда Васильевна умела, незаметно для нас, её разжечь и направить в нужное русло.

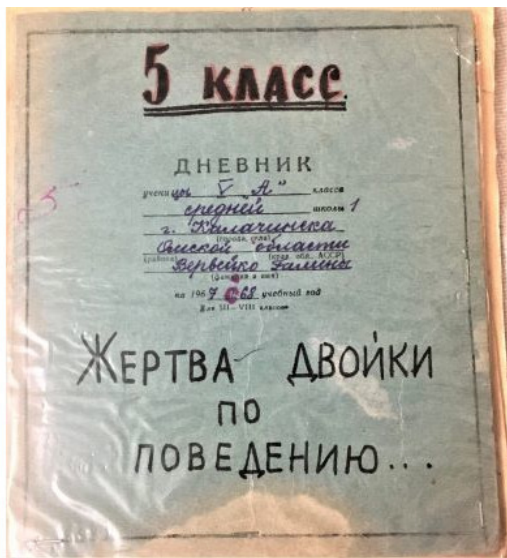
Уже в сентябре, в *пятом классе*, мы устроили Надежде Васильевне большую неприятность, как нашему классному руководителю. Шёл урок труда. Мы занимались на природе, в школьном саду. Сначала мы изучили школьную теплицу, а затем – сам сад, его деревья. А когда учительница – Лидия Григорьевна Андреева (она была биологом) ушла в школу, мы уселись отдохнуть на забор. Стали внимательно рассматривать частный огород, находившийся по ту сторону. И вдруг мальчишкам пришла идея: нарвать морковки! Она так аппетитно торчала из грядки! К тому же, закончился последний урок, и нам уже хотелось кушать. Несколько человек спрыгнули с забора (среди них и две девочки!), вернувшись с «богатым урожаем» для всего класса. Съев по морковке, мы возвращались в школу в хорошем расположении духа. И вдруг весь наш класс вызывают «на ковёр» к директору! Пришла бабушка-хозяйка и доложила обстановку начальству о совершённом нами «преступлении». Михаил Антонович строго, с негодованием, смотрел на нас: кто это сделал? Здесь уже была и Надежда Васильевна. Все стойко молчали, как партизаны (ведь ели морковку все!). Решено было держать весь наш класс в стенах школы до тех пор, пока не сознаются виновники. И они «сдались» сами. По традиции, их портфели остались в школе, и они приходили за ними со своими родителями... Наутро пострадавшей бабуле мы должны были вручить ведро морковки, собранное на наших огородах! А *героям дня* поставили «пары» по поведе-

нию. Но весь класс старался их морально поддержать, так как, в общем-то, все принимали в этом участие, если не прямое, то косвенное.

Коллаж в моём школьном альбоме

С этого случая «двойки» по поведению в нашем классе стали *традицией*. От этого частенько страдали наши дневники, которые мы либо уничтожали совсем, не оставляя следов, либо – ликвидировали страницу с «двойкой». А то и просто временно прятали подальше от глаз родителей. Я в это время жила у бабушки и частенько прятала дневник в больших кипах его газет...

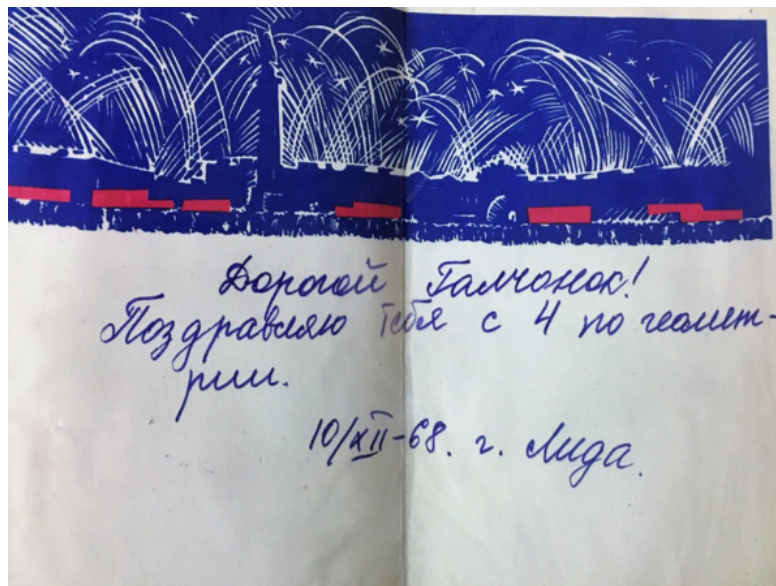

Этот дневник я сначала спрятала, а потом завела новый

Да, ещё хочу сказать, что учителя меня часто хвалили за учёбу или какие-то мои умения, поступки. Одна учительница начальных классов так вообще называла «маленьким Лениным», и это меня конфузило перед моими друзьями-одноклассниками. Поэтому я всегда старалась от них не отставать во всевозможных проделках. И даже гордилась, когда мне вместе с другими ставили «двойку» по поведению. Мне не хотелось быть белой вороной среди ровесников. Всегда давала всем списывать домашние задания, выручая тех, кто не успел их сделать. Я редко делала письменные уроки дома,

чаще – в школе, заранее, между делом, на переменах или на других уроках, когда мне было скучно.

На уроках мы стали озорничать, писать друг другу записки, играя *в почту*. Например, в моём альбоме хранится открытка «Слава Великому Октябрю» с текстом внутри: «Дорогой Галчонок! Поздравляю тебя с 4 по геометрии. 10.12.1968г. Лида». (Сницаренко).

Открытка от Лиды Сницаренко на уроке

Несмотря на все изменения, которые произошли со мной

в пятом классе, я продолжала учиться почти на одни «пятёрки» и чувствовать любовь к моей персоне со стороны большинства учителей. Порой, мне прощалось и озорство.

Помню, как учителя не раз сердито говорили, когда я крутилась за партой:

– Вервейко, встань и повтори, что я сказал (а)!

Я вставала и повторяла только что сказанную фразу. Весь класс начинал смеяться, а вместе с учениками и сами учителя!

В этом классе, когда ребята были октябрятами, я была вожатой-пионеркой в 1967-69 годы

В это время началась и моя *педагогическая деятельность*: я была с кем-то из наших девчонок *вожатой* в октябратском 1 «А» классе – у нашей первой учительницы – Клавдии Ивановны Карбиной. И своих октябраток я невероятно любила: они даже снились мне во сне! Многому мы учились у Клавдии Ивановны: как уметь сохранять дисциплину, работая с детьми, как с ними разговаривать и каждого понимать. Хочу ещё добавить, что когда мы учились в начальной школе, то шефствовали над детьми детского сада, в котором раньше были сами. Так что, практически с первых своих школьных дней я была «воспитательницей». И это мне очень нравилось! Я мечтала, став взрослой, работать педагогом.

Но все шалости на уроках не прошли даром. И в моей пионерской жизни произошёл один, трагический для меня, случай. Однажды на собрании пионерского отряда 5 «А» класса меня переизбрали с должности председателя за моё поведение в школе. Не знаю, почему я становилась неуправляемой? Может, сказывались семейные неурядицы (болезнь мамы и отсутствие родителей)? И после собрания у меня было сильное потрясение от случившегося: мне даже не хотелось жить. В этот момент мне казалось, что я никому не нужна на всём белом свете... Больше всего меня поразило то, что некоторые мои друзья «бичевали» моё поведение, которое до этого поддерживали сами. Ведь нас учили в школе, что

так должны поступать настоящие пионеры – быть принципиальными и бороться с недостатками своих товарищей. Единственной, кто поддержал меня в этот момент, была **Фирс Ира**. Мы шли с ней вдвоём из школы к ней домой, и она успокаивала меня, что всё не так страшно, как мне кажется. И тогда я поняла, что она является для меня самым надёжным другом в жизни. Её родители тоже успокоили меня, когда мы им честно рассказали о случившемся, сказав, что «всё перемелется – мука будет».

Дома я ничего не стала рассказывать о произошедшем в школе, чтобы не расстраивать дедушку с бабушкой, ведь это было бы большим позором для них! И вскоре, действительно, меня «восстановили в должности», так как я всё-таки пользовалась авторитетом среди одноклассников, которые привыкли видеть во мне лидера не только назначенного извне, но и неформального. Видимо, это была просто педагогическая мера воздействия.

Вскоре все школьные друзья снова стали хорошо относиться ко мне. И я ни на кого обиды не держала: снова стала общительной с ними. Понимала, что так им нужно было поступить *по-пионерски*, критикуя моё поведение. Вот только больше не смогла рассказывать свои личные тайны моей лучшей подруге, которая меня буквально сразила тем, что рассказала о том, что я ей говорила по секрету – *честно* всему классу и учительнице на собрании, как *настоящая пионерка* (в духе Павлика Морозова). Тогда я поняла, что могу

их доверить только одному человеку в классе – Иринке, которая никогда в жизни не продаст меня, даже «за идею».

И, действительно к концу учебного года всё «перемололось»: я окончила его с отличием, получив почётную грамоту, снова стала председателем пионерского отряда, который стал победителем среди пионерских отрядов школьной дружины. И мне снова захотелось жить и учиться.

ПРЕДМЕТЫ	Фамилии, имена и отчества преподавателей
Русский яз.	Гечкурова
Лит-ра	Надежда Васильевна
Мат-тика	Фурманов Михаил Антонович
География	Иванова Екатерина Николаевна
Ботаника	Родченко Вадим Николаевич
Англ. яз.	Губина Галина Васильевна
История	Иванов
Рисование	Виктор Степанович
Труд	Андреева Людмила Григорьевна
Труд, ГО	Диканова Любовь Александр.
Из-ра	Жеремьев Анатолий Григорьев
Физик	Горнов Михаил Иванович
Худ. руковод.	Надежда Васильевна Гечкурова

Классный руководитель _____

1 Зак. 1270

Учителя, которые учили нас в 5 классе

Месяц февраль 1907.

Дни и числа	Предметы	ЧТО ЗАДАНО	Оценка успева- мости	Подпись учителя
15 четверг	Матем.	5652(3).		
	математика	5657(1,3).		
	Геогр.	ПРИМЕНЕНИЕ участок.		
	Ботан.	Повторить.		
16 Пятница	Геогр.	О сосисочной смотани.		
	Рус. яз.	Упр. 335. § 55 ^{всего рукопр.} п. п. 1, 2.	5	~~Гин~~
	Ма	§ 47, 705 (12, 3)	5	~~Гин~~
	Матем.	5669, 705 (4, 5).	5	~~Гин~~
	Англ. яз.	Диктант.	5	~~Гин~~
	Литер.	Соч. Как Петя само- стоятельно вык. зад.	5	~~Гин~~
17 Суббота	Рус. яз.	§ 55 п. 1, 3. упр. 336.		
	Четверг	Начертить схему.		
	Англ. яз.	по 2 сф. слов. § 20		
	География	"Москва майская"		
	Ботаника	Повторить.		
		Побеждение	5	~~Гин~~

Классный руководитель Гин

Подпись родителей В. Г.

Бывали в школьной жизни и такие счастливые дни!

Москва <i>накры</i>		Москва <i>накры-десович</i>	
Президент	ЧТО ЗАДАНО	Президент	ЧТО ЗАДАНО
Рус. яз. § 20-26		Матем. № 346	
Ботаника § 15		Рус. яз. упр. 198 и 192	5
Русов.		Матем. раб.	
История — стр. 28.		История упр. 2. мота не впр.	5 <i>хорошо</i>
История § 16		Ботаника § 18	
Матем. № 343			
Рус. яз. Сочинение.	5 <i>хорошо</i>	Матем. № Комму. раб.	5 <i>хорошо</i>
Ботаника		Рус. яз. Работа над см.	
История упр. 2 и 3.		История упр. 2	
История § 19		География Транскавказская	5 <i>хорошо</i>
История Басни	5 <i>хорошо</i>	География	
		Математика —	
Матем. № 343 (2).	5 <i>хорошо</i>	История —	
Матем. № 344 (2).		История § 15	
Рус. яз. § 15-26. упр. 193 и 194		Рус. яз. упр. 201	
История Басни	5 <i>хорошо</i>	История	5 <i>хорошо</i>
История § 18.			
Примеры уроков: из них по бюджету		Классный руководитель: <i>хорошо</i>	
Количество отзывов на уроки:		Полная оценка: <i>хорошо</i>	
<i>накры-десович</i> : Зайцев		<i>Образована благодарный за работу</i>	

Ещё одна страница из дневника

Итог 5-го класса

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПОХВАЛЬНАЯ
ГРАМОТА

1967—1968 учебный год

Артековское счастье

Обложка книги "Артек", подаренной мне за победу в конкурсе народных танцев

Наш класс под чутким руководством Надежды Васильевны был лучшим в дружине по пионерским делам. И мне – председателю отряда – просто несказанно повезло! (Даже, несмотря на все мои проделки!) Однажды весной я гуляла по школьному садику на перемене, который находился у здания школы. Шла одна, задумавшись. Ко мне подошёл директор – Михаил Антонович Фурманчук, улыбнулся, спросив, как у меня настроение? И, положив руку на плечо, сообщил неожиданную для меня новость:

– Галя! Хочешь, я тебя обрадую? Тебя школа наградила путёвкой *в Артек*! Ты довольна?

Я, услышав это, потеряла дар речи: никак не могла поверить! Ведь нам учителя столько рассказывали об этом лагере у Чёрного моря! И мы все мечтали там побывать! Иногда Артек мне снился даже во сне. И, просияв, я радостно кивнула головой. Об этом мне после уроков ещё сообщила на заседании совета дружины – вожатая Люда Ямбор. Сердце радостно билось: неужели? Не может быть! И сомневалась в душе: достойна ли я стать артековцем?

Обойдя всех врачей, которые подтвердили моё крепкое здоровье, вскоре я с омской делегацией ребят – из разных сёл и городов области, ехала в поезде на юг. Было это в прекрасное время – *в начале мая 1968 года*. Впервые я увидела *Москву*! Там была пересадка в другой поезд, и мы ночевали в каком-то интернате. Нас свозили на ВДНХ, к прекрасному

золотому фонтану – «Дружба народов». В дороге мы подружились с Наташей Гущиной, Нонной Полуаршиновой из села *Фирстово*, Олей Лидман из *Москаленок*, Сашей Хряковым из села *Куликово*, Ниной Мелиховой из *Великорусска*, Наташей Сыровежкиной из *Черлакского района*. И в Артеке нам уже было жаль расставаться, когда нас расселяли по разным отрядам.

Местом нашего обитания стал лагерь *Прибрежный*. Я попала в *10-ый отряд, корпус «Ромашка»*, которые относились к дружине «*Полевой*». Сорок дней, проведённые в Артеке, стали незабываемым детским счастьем. Жизнь в Артеке кипела задором, энергией, пионерскими делами, экскурсиями по Южному берегу Крыма.

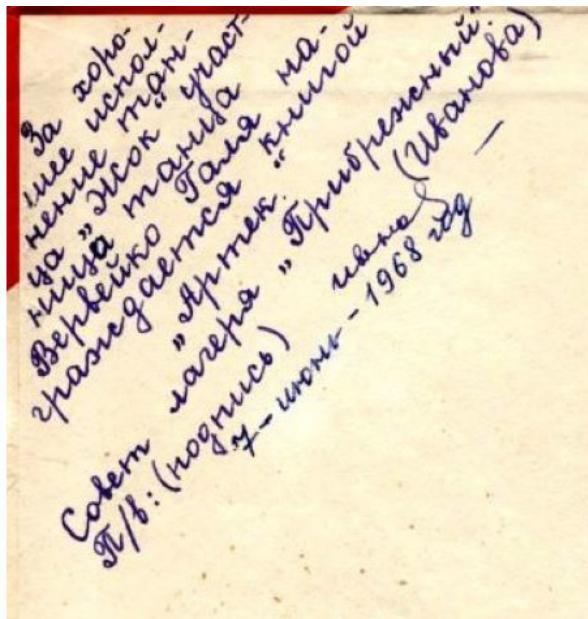
В комнатах нашего современного корпуса были стеклянные раздвижные стены с видом на море. Это вызывало небывалый восторг! У корпусов росли розы. Я впервые увидела в Крыму пальмы.

Все артековцы ходили в одинаковой форме, предназначенной на разные случаи жизни и погоды: рубашки, панамки, пилотки, брюки, шорты, бриджи, галстуки. Пионерская республика пестрела яркими бело-сине-зелёно-красными цветами и оттенками! Мы шли отрядом с артековскими песнями, скандируя речёвки, кричалки, а, встретив кого-нибудь на своём пути, говорили хором: «Всем, всем – доброе утро!» (Или день, вечер). С вожатыми разучили много песен, но самой любимой была с припевом:

Артековец – сегодня,
Артековец – сегодня,
Артековец – всегда!

Эти слова стали для нас в будущем девизом в жизни. Мы их писали друг другу на почтовых конвертах, отправляя письма во все концы СССР.

В отряде меня сразу признали *ответственной за танцы* (не зря ведь я занималась в Калачинске в хореографическом ансамбле «Юность»!) Так я стала юным балетмейстером! (Это был мой первый опыт будущей профессии). Вожаки поручали мне разучивание модных современных и народных танцев с отрядом, которые показывали на массовках массовики-затейники. С девочками нашего отряда я разучила молдавский танец «Жок» для выступления на сцене, и мы стали призёрами на танцевальном конкурсе.

Книга с надписью нашей пионервожатой 10 отряда

Самым ярким событием сезона был День пионерии – 19 Мая. На Большой Костровой площади «Прибрежного» был общеартековский праздник. В лагере отдыхали пионеры из разных республик страны. И была переключка в национальных костюмах. В гости приехали юные артисты кино – «Неуловимые мстители», которые в это время снимались в продолжении фильма в Гурзуфе, городе, находящемся рядом с Артеком.

Весь праздничный день в лагере проходили всевозможные игры, конкурсы, выпускались огромные стенгазеты. На праздничном обеде были фрукты и ягоды, печенье, конфеты и шоколадки. И весь сезон все артековцы могли просить добавку на обед любого понравившегося блюда. Казалось, что это была страна изобилия. И мы постоянно чувствовали в своей жизни воплощение лозунга «Всё лучшее – детям».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.